ФАНТАСТИКА
ПОЛЕТЫ
НА МЕТЛЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Близкая к киберпанку повесть, изданная в 1991-м.

Охота на вирусов требует оснащения гораздо более изощренного, нежели ружья, патроны и ягдташи. Объемистый кейс с набором дискет и оптических дисков, мощная «персоналка», модем для подключения к ближайшей компьютерной сети с любого телефонного аппарата, радиотелефон для оперативнойсвязи… Но самое главное оружие охотника его опыт. Знание повадок, образа жизни, способов маскировки и охоты страшных хищных зверей, время от времени нападающих на мирно пасущиеся стада компьютеров — этого не заменишь никакой, самой сложной и универсальной программой. В стране готовится запуск гиперсети. А тут что-то подозрительное творится в одной локальной сети небольшого городка. Вдруг преступники оттачивают оружие для гиперсети? Инспектор Управления выходит на след…

Кроме того, в 2002 вышел роман «Укус технокрысы» по мотивам этой повести.

- Владимир Гусев

Владимир Гусев
ОХОТНИК НА ВИРУСОВ

Таким серьезным я своего шефа давно не видел. Пожалуй, с тех самых пор, как вирус «Сингапур» в одночасье поразил добрую половину нашей клиентуры. Пришлось нам тогда посуетиться…

— У них какая-то хроническая болезнь. Обостряется, как правило, по ночам. К утру — бесследно проходит. И никаких нарушений памяти, полная адекватность.

— А ночью? В период обострения? Поведение адекватно?

— Таких данных нет.

Виталий Петрович перестает грызть колпачок своей знаменитой авторучки и повторяет:

— Данных нет. Пока. Гриша с этим вопросом разбирается. Поехал проформы ради закончить профилактический осмотр, а вышел вот на такого зверя. Совершенно случайно вышел. Что наводит на грустные мысли.

Да уж. Вирусное заболевание, о котором Управление узнает случайно, да еще накануне такого события… Значит, прощай, отпуск.

— Ты в отпуск куда собирался? — проявляет отеческую заботу шеф, откидываясь на спинку обитого темной кожей кресла. Как будто это имеет какое-то значение. Теперь. Потому он и спрашивает в прошедшем времени…

— В Сочи. Бархатный сезон. Профсоюз путевками осчастливил. В кои-то веки…

— Да… — сочувственно кусает Виталий Петрович металлический колпачок. — Видишь ли… Я мог бы послать и кого-нибудь другого. В принципе. Но — не в данном конкретном случае. Сам понимаешь, накануне запуска «Невода»…

— А может, это не вирус? — тешу я себе надеждой. — Может, какая-нибудь другая напасть? Вроде «эффекта веника». Тем более, что и пациенты не жаловались.

— Веник? Кто такой? Почему не знаю?

— Не кто, а что. Обыкновенный веник, которым пол подметают. Помните, Славка Федоров рассказывал?

— Нет. Про то, как они с приятелем нечаянно контрабас купили, помню. А про веник — нет.

— Ну, как же, как же… В одной лаборатории суперсложная физическая установка иногда работала, а иногда — нет. Месяца два пытались ее наладить. А потом кто-то заметил, что если уборщица оставляет веник в одном углу комнаты, то установка

пашет, как трактор, а если в другом — то хоть стреляйся.

— И что они сделали? — оживился шеф.

— Приковали веник собачьей цепью в правильном углу, а уборщице выдали новый и денежную премию.

— Ну и… Помогло?

— Да. То есть нет. Три дня все было хорошо, а потом кто-то украл цепь заодно с веником, и — баста! Сколько новый ни переставляли из угла в угол — ноль на массу. Пришлось ее… того! — поворачиваю я вниз большой палец.

Но шеф меня уже не слышит. Смотрит в окно невидящими глазами и хмурит густые седые брови.

Видимо, это все-таки вирус. Иначе бы Витек не был так озабочен. Причем вирус какого-то нового типа. Ишь ты, хроническая болезнь… Да еще только по ночам… В моей практике такого еще не было. Значит, ни один из существующих вирус-детекторов его не возьмет. Скорее всего. И придется срочно разрабатывать новый. А это — месяца два работы.

— Еще какие-нибудь данные есть?

— Есть. Но, думаю, лучше получить их из первых рук. Грише я уже сообщил, место в гостинице он тебе заказал. Об одном прошу… — шеф встал из-за стола, подошел ко мне. Я тоже вскочил.

— Будь осторожен. Если почувствуешь, что вышел на банду или даже просто на вирусогена — немедленно сообщаешь в соответствующие органы, а сам — в сторону! Твоя задача — лечить, а не воевать.

Витек кладет мне руку на плечо. Со стороны, наверное, комично смотрится — я почти на голову выше шефа. Тем не менее… Я испытываю почти сыновье чувство защищенности. И какое-то приятное волнение. Словно бы шеф провожает меня в отпуск, а не наоборот.

— А насчет Сочи… — читает он, как и положено хорошему отцу, мои мысли, — не огорчайся. Что-нибудь придумаем. Ты когда собирался?

— Через неделю с хвостиком.

— Вот и отлично, — искренне радуется за меня шеф. — Думаю, ты еще успеешь позагорать. Потому как сроку я тебе даю ровно неделю. Начиная с двадцати четырех ноль-ноль текущих суток.

Витек возвращается к своему столу, тактично давая мне время прийти в себя.

— Но… Если это действительно новый тип вируса… В такие сроки… Просто немыслимо… — лепечу я растерянно.

— Можешь взять себе в помощь кого угодно. Включая меня.

Полномочия и кредит — неограниченные. Как ты знаешь, на карту поставлены не только и не столько интересы Управления, сколько — государственные. Я каждый день докладываю состояние дел с «Неводом» председателю Комитета. А он раз в неделю — Председателю Совета Министров!

Витек с удвоенной энергией вгрызается в золотистый колпачок.

— И через месяц мы должны сообщить, что «Невод» запущен. Во что бы то ни стало.

Шеф раздраженно швыряет авторучку на широкий, идеально чистый стол. Она скользит почти до самого края столешницы, но в последний момент останавливается. Витек удовлетворенно хмыкает.

— Недели две уйдет на отладку, неделя в резерве. Вот и получается, что у тебя в запасе тоже ровно неделя. И ни одним часом больше. Потому и посылаю тебя, а не кого-нибудь другого, что сроки немыслимые, — спокойно подтверждает шеф. Чем и обезоруживает.

— Вопросы есть?

— Нет. Пока.

— Появятся — звони. В любое время дня и ночи. Номер моего домашнего телефона помнишь?

— Не забыл еще.

Витек улыбается. Когда воевали с вирусом «Сингапур», я раз десять звонил ему среди ночи. Пять-то уж во всяком случае.

— Ну, я пойду?

Шеф опять о чем-то задумался. Не дождавшись ответа, я направляюсь к двери.

— Да, еще… — говорит он мне вслед. — Вернешься с победой — займешь мое место.

Я застываю, словно в детской игре по команде «замри».

— А сорвем запуск «Невода» — вылетим оба из Управления. Вначале ты, потом я. Такая вот перспектива. Понимаешь, почему именно в такой последовательности? — помогает мне «отмереть» шеф.

Я, повернувшись, киваю головой. Чего уж тут хитрого… Прежде, чем освободят Витька, он успеет подписать приказ относительно моей персоны. Доказывай потом, что не ты — стрелочник.

— А вы… куда? — оторопело спрашиваю я. Две новости такого класса в течение пяти минут много даже для меня.

— Иду на повышение. К Самому! — вскидывает шеф на мгновение глаза к потолку. Я машинально отслеживаю его взгляд. Потолок как потолок, оклеен изысканными обоями…

— Об этом пока молчок. Вопрос согласован, но… неожиданно вскрывшиеся обстоятельства не позволили утвердить перемещения. И закрыть их, эти обстоятельства, должен ты. На нас смотрит сейчас вся страна. Забросим «Невод» через месяц — удержимся в седле, продолжим скачку. Нет — сойдем с круга, отстанем, и не на десять лет, а навсегда. Ситуация та же самая, что и в начале девяностых. Тогда выкарабкались, а теперь… Ну, да ты и сам все понимаешь.

Шеф замолчал. Обычно он немногословен, и столь длинная тирада его, кажется, утомила.

— Понимаю. Не дурак.

— Ну, как говорится, с Богом! — прерывает затянувшуюся паузу шеф, снова подходит ко мне (я поспешно делаю несколько шагов навстречу) и протягивает руку.

Ого! Немногие могут похвастаться рукопожатием с Витьком. Дистанцию между собой и подчиненными он блюдет, как сельская красавица — честь. Красавица прошлого века, разумеется. Теперешние и слово-то это забыли.

— Все. Ступай, — выпроваживает меня шеф, хмуря седые брови, и я чувствую себя, словно доблестный рыцарь, отправляющийся на бой со стоголовым драконом и получивший на это благословление короля Артура. Не хватает только Прекрасной Дамы и заплаканных горожанок с платочками в руках…

Мотор «вольвочки» гудит ровно, без натуги, почти неслышно. Время от времени впереди вспыхивают двойные белые звезды, стремительно приближающиеся, рывком превращаются в пару желтых карликов. Иногда мне приходится ускорять этот процесс, переключая свои фары на дальний свет и обратно.

Можно было бы, конечно, лететь самолетом. Но экономия времени получалась небольшой, всего три-четыре часа. Думаю, «вольвочка» вернет их мне сторицей. К тому же ее багажник битком набит охотничьим снаряжением. Объяснять при досмотре, что это, хотя и не магнитофоны, но вещи вполне безопасные и невзрывающиеся… Нет уж, увольте. Лучше на своих колесах. И за сохранность арсенала не надо волноваться.

Охота на вирусов требует оснащения гораздо более изощренного, нежели ружья, патроны и ягдташи. Объемистый кейс с набором дискет и оптических дисков, мощная «персоналка», модем для подключения к ближайшей компьютерной сети с любого телефонного аппарата, радиотелефон для оперативной связи… Но самое главное оружие охотника его опыт. Знание повадок, образа жизни, способов маскировки и охоты страшных хищных зверей, время от времени

нападающих на мирно пасущиеся стада компьютеров — этого не заменишь никакой, самой сложной и универсальной программой.

Я включаю стереокомбайн. Хороший рок — лучшее лекарство от сонливости. «Вольво» летит, мечами фар рассекая впереди себя тьму. И я снова начинаю чувствовать себя рыцарем, мчащимся на битву со стоголовым драконом.

Через пять часов мы с Гришей сидим в его «полулюксе» и пьем чай. Кроме того, Гриша с умопомрачительной скоростью уничтожает мои бутерброды и — последние в этом году! — свежие помидоры.

— Знаешь, я бы назвал эту болезнь «эпилепсия», — говорит он, отправляя в рот маленькую аккуратную «сливку». — Приступ начинается, как правило, ровно в полночь. Кольцо вдруг перестает реагировать на команды. Каналы обмена медленно переполняются. Включаются все резервные. Информационные потоки такие — только что световоды не плавятся!

Ничего себе загрузочка! Если между машинами такой обмен, то что же творится в них самих?

— Что они там обсчитывают? Прогноз погоды на третье тысячелетие?

— Ничего. В том-то и дело, что результат — ноль. Все устройства вывода — в столбняке. И так — два-три часа. А иногда и всю ночь.

Гриша тщательно вытирает руки полотенцем и смахивает с бороды крошки.

— Самое интересное начинается потом, — продолжает он, убирая с застеленного бумажной скатертью столика фольгу из-под бутербродов. — Ты в жизни не догадаешься, что происходит под утро!

— Кричит петух, в машзале появляется призрак и говорит: «Я дух, я твой отец, приговоренный по ночам скитаться…»

Гриша трет подушечками пальцев свою обширную лысину, словно пытаясь стереть тускло отражающуюся в ней гостиничную люстру.

— Нет. Еще загадочнее. Приступ кончается, каналы обмена освобождаются, и… «Эллипс», как ни в чем не бывало, продолжает обсчет текущих задач.

— Ну и что же здесь загадочного? Обыкновенное воровство машинного времени. Кто-то несанкционированно вводит свою программу, получает результат и убирается восвояси. В Минске два года назад был подобный случай.

— В том-то и дело, что это не обыкновенное воровство, — торжествующе перебивает меня Гриша. — Прошлой ночью я запустил в кольцо программу-демон типа «биллиардный шар».

Так вот, никакого внешнего канала, по которому могли бы сплавляться результаты расчетов, мой «шарик» не обнаружил.

Что ж, неплохо. Когда-нибудь из Гриши получится вполне приличный охотник.

— Эпилепсия не относится к вирусным заболеваниям. Может быть, и здесь — что-то другое?

— Например? — оживляется Гриша. Видно, он уже ломал голову над этим вопросом и ему не терпится высказать свои гениальные предположения.

— Самое простое — тщательно замаскированный канал вывода, принципиально необнаруживаемый программами типа «биллиардный шар». Или…

Я на секунду замолкаю. Главная черта хорошего охотника — нетривиальность гипотез. Ведь и компьютерные бандиты мыслят, как правило, нетривиально. Времена примитивных вирусов прошли. У современных программ к ним стойкий иммунитет. И преодолеть его, не имея в запасе свежей и оригинальной идеи, невозможно.

— …Или вывод информации, основанный на новом физическом принципе.

— Все-таки физическом? — уличает меня Гриша в самоограничении фантазии.

— Конечно. Считывание информации непосредственно из памяти компьютера экстрасенсом — процесс тоже вполне материальный.

Гриша, удовлетворенно хмыкнув, оглаживает ладонью бороду.

— У меня есть более простое объяснение, соответствующее принципу Оккама.

— Не иначе, карлики из летающих тарелок, питающиеся информационными полями, обсели несчастный «Эллипс», и ровно в полночь у них начинается пир, — подсказываю я.

— Да нет, еще проще, — усмехается Гриша, отхлебывая из тонкостенного стакана остывающий чай. — Это может быть всего лишь…

Гриша, не торопясь, ставит стакан на стол и, хитро улыбаясь в черную разбойную бороду, откидывается на спинку стула. Точно так же делает обычно Виталий Петрович перед тем, как огорошить какой-нибудь новостью. Например, сообщить, что отпуск в Сочи ставится под большущий знак вопроса…

— Да ладно тебе… интриган. Вываливай!

— Просто компьютерный вирус.

Ну что же, довольно оригинально. Все-таки вирус. Не оставляющий следов. Вирус-призрак.

— Что-то новенькое в компьютерных болезнях. Безобидный мерцающий вирус…

— До поры до времени безобидный. А потом, когда запустят «Невод»…

Кажется, я ошибался. Гриша уже вполне сформировался как охотник.

— Ты полагаешь, что злоумышленник использует «Эллипс» как полигон?

— Да. Отрабатывает все более совершенные, все менее заметные и, значит, все более опасные версии вируса. Но на хвост каждого из них пока цепляется ген самоуничтожения. А вот когда полностью раскроется «Невод»… Это будет пострашнее, чем «Сингапур».

— Любопытная гипотеза, — одобряю я, и Гриша довольно улыбается. Все знают, я, как и Витек, редко кого хвалю, чаще высмеиваю. — И что ты предлагаешь?

— Ничего оригинального: искать. Бесследно исчезать вирус не может. Днем он прячется в каком-нибудь укромном уголке памяти, а ночью, как и положено хищнику, выходит на охоту.

— А если на день диск с логовом зверя снимают?

— Маловероятно. Самая рискованная операция для вирусогена — процесс загрузки паразитной программы. И повторять его каждую ночь со съемного диска, да еще в одно и то же время… Нет, немыслимо. А ты что предлагаешь?

— Ты в жизни не догадаешься об этом, — говорю я и ставлю на стол пустой стакан.

— Ну… Да не томи же! — не выдерживает паузы Гриша.

— Я предлагаю лечь спать. А завтра на свежую голову начать облаву. Твоя версия принимается как основная. Разумеется, не исключаются и запасные.

— У меня их целых четыре, — сообщает Гриша, сгребая со стола стаканы.

А у меня, честно говоря, ни одной. Но подчиненным об этом знать не положено.

Аккумуляторный завод, на котором предстоит сегодня работать Грише, на самой окраине города. Так что моя «вольвочка» весьма кстати.

Я плавно торможу у длинного серого здания с огромным выцветшим лозунгом по всему фасаду: «Да здравствует рынок и демократия!» Гриша, достав из багажника закрытый на два цифровых замка кейс, исчезает за стеклянной дверью. Дискеты с программами, которыми набит чемоданчик, — не единственное оружие охотника. С некоторых пор в число обязательного снаряжения вошел, например, инъектор, спрятанный у каждого из

нас в маленькой кобуре под мышкой. Выдали их нам полтора года назад, после случая в Одессе. Охота на вирусов, как и всякая другая охота, — дело небезопасное. Ищешь лисью нору, а попадешь в волчье логово… Именно это и произошло в «Жемчужине у моря». Выслеживая вирусогена, Вася Петухов вышел на незарегистрированный «Нестор», хитроумно подключенный к «еэске» центральной сберкассы. Как потом выяснилось, лихие ребята полтора месяца снимали со своих многочисленных счетов небольшие суммы денег. Итого — до пяти тысяч ежедневно. В течение суток эти счета пополнялись по принципу «с миру по нитке — голому рубаха». Программка была составлена столь изящно, что целых полтора месяца никто ничего не замечал. Да и Вася вышел на них совершенно нечаянно, иначе бы он так не подставился. Труп его нашли только на третьи сутки. А нам через месяц выдали инъекторы с парализующей жидкостью. Против пистолета эта штука, конечно, слабовата. Но при встрече с вооруженным лишь холодным оружием противником достаточно эффективна. Гриша один раз уже это продемонстрировал. При его астеническом телосложении такая игрушка, конечно, весьма полезна. Но лично я больше полагаюсь на эластичность мышц и быстроту реакции. Чтобы пустить в ход инъектор, нужно полторы секунды. А для удара без замаха — чуть ли не вдвое меньше.

Возле ГИВЦа — городского информационно-вычислительного центра — отличная автостоянка. Полупустая! В Москве такую днем с огнем не найдешь, а ночью и подавно! Все-таки жизнь в провинции имеет свои преимущества. Особенно теперь, когда почти повсюду есть колбаса. А иногда даже и сосиски.

Припарковав машину и тщательно заперев дверцы, я поднимаюсь на высокое крыльцо. Чуть ли не из всех окон безвкусного, хотя и с претензией на современность, здания торчат уродливые коробки кондиционеров. Бакинские, старая модель. Стандартные стеклянные двери, нелепо изогнутый козырек над ними. Вахтер долго мусолит пропуск Управления, подозрительно сверяя фотографию с моей физиономией. Наконец, зевая в рыжие прокуренные усы, возвращает красную книжечку и начинает бестолково объяснять, как найти кабинет директора. Мне, в общем-то, директор не нужен. Но без его разрешения трудно будет попасть в машзал — даже с моей красной книжечкой. А мне обязательно нужно посмотреть на безумствующие машины самому. Я еще не знаю, зачем. Компьютер, а тем более целый хоровод их — это не автомобиль, в котором по едва заметному стуку или изменению «голоса» мотора опытный механик может определить, в чем загвоздка — в коленвале или коробке

скоростей. И все же…

Кабинет директора оказался закрытым. Начальник смены, немолодая миловидная женщина с кроваво-красными губами, едва взглянув на мои пропуск и предписание, объясняет:

— Михаила Олеговича срочно вызвали в исполком. Он просил извиниться за него и оказать вам всяческое содействие.

Ага, это Виталий Петрович позаботился о режиме наибольшего благоприятствования. Да и пропуск Управления кое-что значит.

— Я хотел бы познакомиться с техдокументацией вашей компьютерной сети. Состав, топология, версия операционной системы и так далее.

— К сожалению, — виновато улыбается Евгения Федоровна, — все это закрыто в сейфе у Михаила Олеговича, а сейф заперт в кабинете.

— Ого! Спрятано понадежнее, чем смерть Кощея Бессмертного!

— В соответствии с инструкцией, — оправдывается начальница смены. — В порядке компенсации могу показать вам наш парк.

Отлично. Психологический контакт установлен. В моей профессии это немаловажный фактор. Иногда одна-две улыбки и пара незатейливых острот дают больше, чем сутки напряженной работы. А с этой молодящейся женщиной оказалось еще проще. Один-единственный по-мужски заинтересованный взгляд — и она уже угадывает мои тайные желания.

Вместе с Евгенией Федоровной мы наблюдаем, как монтажники заканчивают прокладку оптических кабелей «Невода», любуемся стопкой дисков с новым программным обеспечением и, наконец, осматриваем машинный зал. Два «Эльбруса-восьмых», две больших «еэски», полдюжины «эсэмок». И даже зачем-то пара «Нейронов». Не старинных персоналок, выпущенных в конце восьмидесятых, а перехвативших это название мастодонтов с нейроноподобной структурой логических элементов.

Ну что же, вполне приличный парк. Есть где погулять вирусогену.

Через десять минут, поблагодарив Евгению Федоровну и получив в ответ очаровательную кроваво-красную улыбку, я уже сижу в дисплейном классе перед роскошным терминалом. «Винчестер», два гибких, сменный оптический диск, отличный монитор с контрастным экраном… Компьютерный рай.

Я открываю цифровые замки на крышке своего объемистого кейса и вынимаю дискеты с вирус-детекторами.

Программы-убийцы, подобно хищным птицам, одна за другой срываются с моего терминала, бит за битом проверяя ячейки памяти компьютеров. И через некоторое время возвращаются, не неся в когтях никакой добычи. Видимо, придется вылавливать эту нечисть по контрольным суммам или размеру. Соответствующее программное обеспечение у меня, конечно, тоже есть. Но пускать его в дело лучше в период минимальной загрузки машин, то есть — ночью. А пока продолжим соколиную охоту. Любимейшее, после турнирных боев, занятие средневековых рыцарей. И тоже — небезопасное. Ведь каждую секунду из какого-нибудь малозаметного овражка «операционки» или объектной библиотеки может показаться голова огнедышащего дракона. И тогда…

Кто-то, незаметно подкравшись сзади, наклоняется над моим плечом, и я вздрагиваю от испуга.

— Михаил Олегович уже пришел, — тихо говорит Евгения Федоровна заново накрашенными кроваво-красными губами. Я поспешно встаю. Кажется, я понравился этой вампирше. Наверное, потому, что у меня кровь первой группы.

На директора, высокого сухощавого мужчину с прокуренными усами — точно такими же, как у вахтера! — моя красная книжица действие произвела магическое. Он сразу же стал ниже ростом, засуетился, и даже кончики усов его выразили неописуемый восторг по поводу визита инспектора. Как хвост у собаки. В предписании, естественно, умалчивалось об истинной цели моего прибытия. Наивная предосторожность. Вирусогены прекрасно знают имена охотников. А лучших из нас — и визуально. Сему Малышева убили в Ростове на другой день после прибытия. И за двое суток успели замести все следы. Так до сих пор и неизвестно, что за вирус был там сотворен и с какой целью. А самое главное — кем.

— Говорят, вчера у нас уже был инспектор Управления, — осторожно полуутверждает, полуспрашивает Михаил Олегович. — Я, правда, временно отсутствовал, поэтому…

— Григорий Андреевич — специалист по болтам, а я — по гайкам, — поясняю я, принимая папки с документацией. — А в память «Эллипса» описание не введено?

— Введено-то введено… Только вот изменения, насколько я помню, внесены не все. Последний инцидент так точно не отражен. Все равно ведь придется скоро демонтировать, — оправдывается Михаил Олегович.

— Далеко не все, — холодно поправляю я.

— Кабель, который перебили в последний раз, в «Неводе» задействован не будет. Вот мы и не стали… лишнюю работу…

Как нам тогда казалось, — поспешно добавляет директор, наткнувшись на мой удивленный взгляд.

Интересно, интересно. И Гриша мне ничего об этом не сказал. Не знал, что ли? В Управлении переполох, Витек готов подозревать самое худшее, а здесь — просто авария на линии связи… Протокол обмена в «кольце», естественно, поменяли, но где-то допустили ошибку. Вот и получился «эффект веника».

Я облегченно улыбаюсь. Это Гриша на всех страху нагнал. Все-таки ему еще рано самостоятельно охотиться. Только услышал шорох в кустах, и сразу в панику: медведь! А на самом деле…

Где-то крыса перегрызла кабель. Система переключилась на резервный. Его зацепил пьяный экскаваторщик. На складе кабеля не оказалось. Вообще-то он есть, и много, но не тот, который нужен. А нужный сняли с производства. И трубы все переполнены, а рыть новую траншею нечем: экскаватор сломался. И денег нет. Какой там бюджет у горсовета… И наверняка нашелся талантливый системщик, взявшийся за две-три недели перестроить обмен в сети так, чтобы можно было обойтись без оборванного кабеля. Превратить «кольцо» в «серп». Кого-кого, а талантливых инженеров у нас хватает. Трезвых экскаваторщиков — явно меньше. И если бы не ошибочка… Маленькая такая, в одном слове из многих тысяч… Как в свое время в команде, переданной на «Фобос-один»…

— А что с ним случилось, с кабелем-то? — спрашиваю я, все еще улыбаясь.

Михаил Олегович, чувствуя, что настроение мое по непонятным причинам улучшилось, улыбается в ответ.

— Ну что с ним могло случиться? Линия связи была проложена с небольшими отклонениями от проекта. Один смотровой колодец перенесли на десяток метров в сторону да и сделали его… тяп-ляп. Поэтому, когда в центральной котельной заснул дежурный и в трубах поднялось давление… В общем, этот колодец залило горячей водой. Стоял-то он не на месте! Его, конечно, быстро осушили, но разъединять оптические соединители не стали — понадеялись на их герметичность. И напрасно. Через месяц из-за коррозии все восемь каналов вышли из строя. Привезли запасной кабель, но сразу проложить не успели, а ночью у него конец отрубили, метров пятьдесят. То ли шланговая оболочка кому-то приглянулась огород поливать, то ли пацанам на дубинки понадобился. Кабель стал короток, а нарастить нечем да и нельзя: муфта в трубу не пролезет. И купить негде. Его, оказывается, два года назад с производства сняли. А к тому, что выпускается взамен, старые оптические соединители не

подходят. А чтобы новые использовать, нужно проект откорректировать. А институт, который…

— Достаточно. И тогда вы решили…

— Есть тут у нас один способный системный программист, Петр Васильевич Пеночкин. Вернее, не у нас, а на «Микротехнологии». Большой энтузиаст компьютерных сетей. Он-то и предложил изменить протокол обмена так, чтобы резервный вариант мог стать основным. Ну, то есть постоянно работать с разомкнутым кольцом. Скорость обмена падает на чуть-чуть, а выигрыш времени получается солидный…

Выложив самый сильный аргумент в пользу своей бездеятельности, директор замолкает.

— И как, удалось вам?

— Вполне! — снова оживляется Михаил Олегович. — Все задачи решаем в срок, у заказчиков — никаких претензий.

Ага. Значит, никаких. Интересно. А может, и приступов по ночам никаких нет? И Грише все это приснилось?

— Когда залило кабель?

— Чуть больше полугода тому назад.

— И до сих пор «Эллипс» разомкнут? И даже изменения в документации не все отражены? — укоризненно спрашиваю я.

— Откорректированный проект ждем со дня на день.

— Можете уже не ждать. Поскольку в «Неводе» оборванный кабель не используется, — жестко говорю я. — Но это, насколько я понимаю, не снимает с вас ответственности. Полгода работаете в нештатном режиме и до сих пор не удосужились поставить об этом в известность Управление… Вам придется представить по данному вопросу объяснительную записку.

Кончики усов директора перестают радостно вилять и уныло повисают. Спросить у него про «эпилепсию» сейчас или при следующей встрече? Судя по всему, этого не избежать.

— Впрочем, назовем ее пока докладной. Подробно изложите все ваши действия. Куда обращались, что вам отвечали, и так далее. И как, проявив находчивость, временно вышли из положения, — смягчаю я тон. Кончики усов Михаила Олеговича тут же воинственно задираются вверх.

— Да, решение проблемы оказалось весьма нетривиальным, — с гордостью говорит он.

Это для кого как. Для меня, кажется, совсем наоборот. Значит, Петр Васильевич Пеночкин — кстати, уж не наш ли это Петя? — отладил работу сети в нештатном режиме, им перестало припекать, и начался вялый обмен бумагами с поставщиком кабеля и проектной организацией, копия — в Комитет. Клерк в Комитете исправно подшивал письма в соответствующее дело,

палец о палец не ударяя, чтобы помочь… «Караул» ведь не кричат — значит, можно спать спокойно. А и кричали бы — что с того? У клерков бессонницы не бывает…

Да, но почему директор молчит о приступах? Что-то тут все-таки нечисто. Хорошо, если он просто пытается скрыть еще один вопиющий пример собственной бездеятельности. Вызванной, очень даже может быть, некомпетентностью. А если дело все-таки не в ошибке? И под носом у директора действительно отрабатывают опаснейшую версию вируса? При его молчаливом попустительстве и, быть может, даже участии? Нет, рано мне успокаиваться. Я должен сам пронаблюдать приступ. А уж потом задать разящий вопрос директору.

— А теперь мне хотелось бы подробнее ознакомиться с документацией. Где тут у вас можно приземлиться?

— В кабинете у зама, не возражаете? Он сейчас в отпуске, и вас никто не потревожит. Можно и у меня, конечно, но здесь вам будут мешать. Посетители, заказчики, звонки… Телефон не умолкает целый день.

— То жираф позвонит, то олень, — говорю я неожиданно для самого себя.

Директор испуганно таращит на меня глаза, не зная, как реагировать на глупую выходку: то ли засмеяться, то ли рассердиться, то ли бригаду из психушки вызвать. Но смеяться над глупостью — глупо, а сердиться — боязно. Ничего, в следующий раз не будет выставляться. На то он и директор, чтобы целый день отвечать на звонки и принимать посетителей.

— Любимое стихотворение моего сына, — поясняю я. — Корнея Чуковского, кажется. Лучше, пожалуй, в кабинете у зама.

Директор облегченно вздыхает. Очень я ему нужен в его собственных апартаментах… Примерно так же, как гремучая змея.

Через два часа я возвращаю директору папки с документацией, оформляю «ночной» пропуск и отправляюсь в гостиницу — спать. Третья смена начинается в двадцать три ноль-ноль. А самовозбуждение сети — ровно в полночь. Как и положено всякой чертовщине. Хочется мне самому посмотреть на ночной шабаш. А вдруг это все-таки вирус? Вирус ведьм…

Оставив Грише записку с просьбой не будить, я разбираю постель. Но прежде, чем лечь, выглядываю в окно и отыскиваю на гостиничной стоянке свою дорогостоящую личную собственность. Стоит моя «вольвочка», стоит. Надо бы на автомойку сгонять, но не сейчас. Вот удостоверюсь, что вирус ведьм — просто ошибка в программе межмашинного обмена — тогда и займусь автомобилем.

Проснулся я в двадцать два ноль-ноль, по первому же «ку-кареку» моего «петушка». Проснулся бодрым и заряженным энергией, как если бы за окном был не дождливый осенний вечер, а солнечное летнее утро. Тщательно размял все мышцы, поплясал перед зеркалом, делая молниеносные выпады и стараясь от них же защититься. Сделать это, конечно, невозможно, но ничто так не продвигает вперед по какому бы то ни было пути, как попытки достичь невозможного.

На стук в Гришин «полулюкс» никто не отзывается. Спит уже, наверное. Молодец. Ведет здоровый образ жизни. Да и что ему еще остается при таком телосложении и с такой лысиной? Борода, правда отвлекает от нее внимание, но ненадолго.

На улице дождь — мелкий, холодный и тоскливый. Прежде, чем с парашютным хлопком надо мною раскрывается купол зонтика, несколько капель проскальзывает за воротник финского плаща. Бр-р-р!

Потоптавшись на крыльце, я иду к автостоянке. Хотя ГИВЦ всего в двух кварталах от гостиницы, лучше их преодолеть на машине. Не исключен вариант, что у меня появится одно-двухчасовая пауза, которую лучше всего продремать в удобном кресле «вольвочки». Я это называю «заготовка сна впрок». А место для парковки там хорошее, оно отлично просматривается из окон. Да и японский противоугонный комплекс еще ни разу меня не подводил.

Начальник смены, небольшого роста паренек с русыми усами, распахивает дверь, ведущую в уже знакомый мне машинный зал. Не забыть бы его фамилию: Белобоков.

— Так что вы, собственно говоря, хотите проинспектировать?

— Да я так, в общем, — неопределенно машу я рукой. — Обычная рутинная проверка перед включением ваших машин в гиперсеть.

Мы заходим в крошечный кабинетик, представляющий собой нечто среднее между стеклянной клеткой и каморкой папы Карло. Не хватает только нарисованного очага. Вместо него на маленьком столике в углу — «айбиэм-писи-эйти». Ха! Что-то вроде «Ундервуда» Танечки, нашей секретарши. Неужели он до сих пор работает? Даже буквы на клавишах полустерты…

— Машины в порядке, никаких трудноустранимых дефектов нет? — равнодушно спрашиваю я, усаживаясь на разлапистый стул с металлическими ножками перед заваленным распечатками письменным столом.

— Я бы этого не сказал, — бесхитростно отвечает Белобоков, усаживаясь напротив. — Машины сейчас, правда, в порядке, и полный комплект ТЭЗов в наличии, но… — он хмурит белесые

брови и досадливо щелкает пальцами. Пауза затягивается.

— Какие-то спорадические сбои? — вынужден подсказать я.

— Да, что-то в этом роде. Время от времени задачи вдруг перестают идти и начинается такая катавасия…

Белобоков сбрасывает в ящик стола стопку распечаток, потом смотрит на чистую страничку перекидного календаря. На этот раз я более терпелив.

— В общем, начинается какой-то странный генереж. Все закольцованные машины словно с цепи срываются. Ни ввести в них ничего нельзя, ни вывести. А линии связи, между прочим, переполнены информацией!

Он решил сам во всем признаться. Не дожидаясь, пока я задам каверзные наводящие вопросы.

— То есть сеть неисправна. А вы не предпринимаете никаких мер.

— Ну, зачем же так резко… — пожимает плечами Белобоков. — Машины все тесты проходят без сбоев, в них я уверен. Это «кольцо» виновато. Что-то у них не ладится с обменом. Но по прошествии некоторого времени — когда часа, когда трех — работоспособность «Эллипса» полностью восстанавливается. Снова начинают идти задачки, скрипеть принтеры… Словно бы ничего и не было. Как приступ лихорадки, знаете? Потрясет, потрясет — и опять ничего.

— А Михаил Олегович знает об этом?

— Ну конечно! Только я три докладных ему написал по этому поводу.

— И что директор?

— Говорит, сообщил куда следует. Принимают меры. Интересно будет узнать у него, какие именно.

И почему он не сказал мне при встрече ни о мерах, ни о причине, вызвавшей их. Не нравится мне ваше поведение, Михаил Олегович! Более того, оно вызывает подозрения!

Белобоков озабоченно смотрит на часы.

— Да вы и сами можете пронаблюдать. Приступ должен начаться через десять минут, ровно в полночь. Словно бес вселяется в наши компьютеры. А как изгнать его… Разве что попа пригласить и святой водой терминалы окропить, — криво усмехается начальник смены в аккуратно подстриженные усы. У них что, все мужчины усатые, что ли?

Дверь в каморку вдруг широко распахивается, и на пороге появляется девушка. Светлые волосы ее влажно блестят, плащ потемнел и набух от влаги. На лице двумя слезинками застыли дождевые капельки. Они притягивают мой взгляд, словно магнитом.

— Ой, Виктор Алексеевич!.. Я никак не могла раньше, честное слово! Да еще этот дождь… Я на такси приехала, — оправдывается девушка, для убедительности широко раскрывая и без того огромные глаза. Именно от них-то я и не могу оторвать взгляд, а вовсе не от капелек.

— Во-первых, здрасьте! — насмешливо отвечает начальник смены. — Во-вторых, познакомься: инспектор Управления Полиномов Павел Андреевич. И если он сообщит в рапорте, что производственная дисциплина хромает на обе ноги, Михаилу Олеговичу будет трудно отстоять нашу квартальную премию. А это — Элли, лучший программист центра.

— Ну, так уж и лучший… Надеюсь, инспектор не станет ябедничать? — полуспрашивает-полуутверждает Элли, и я вдруг с ужасом понимаю, что готов тут же выполнить любое, самое сумасбродное ее приказание. Любую, самую фантастическую просьбу. Любое, самое потаенное ее желание… Споткнувшись на этом двусмысленном слове, я вновь обретаю утраченный было дар речи.

— Не наябедничаю, — говорю я хрипло. Но у Элли в этом нет никаких сомнений: она уже вьшорхнуда из каморки, оставив дверь приоткрытой. Стрекотание

принтеров становится громче и окончательно выводит меня из транса.

— Я хотел бы посмотреть, как начинается приступ «лихорадки».

— Если он будет сегодня, — хмуро говорит Белобоков, вставая.

Мы выходим из кабинетика, и я сразу же отыскиваю глазами Элли. Она — в «тихой» комнате, отгороженной от машзала стеклянной перегородкой. Прозрачная — и призрачная! — защита от шума. Скорее психологическая, чем физическая. Несколько письменных столов, две «персоналки»… Элли крутит диск телефона. Видимо, абонент занят, и это очень раздражает ее. Скользнув по мне невидящим взглядом, она швыряет трубку на рычаг и сердито барабанит пальцами по стеклу, покрывающему стол. Хотел бы я быть тем человеком, которому бросается звонить красивая девушка, даже не успев привести себя в порядок. Мокрые волосы слиплись висюльками, лицо еще не высохло… А все равно — хороша!

— Я сейчас… — говорит мне извиняющимся тоном Белобоков, входя в «тихую». В левой руке его — толстая пачка распечаток. Сделав вид, что не расслышал, я проскальзываю следом.

Элли подсела к «Нестору» и лихорадочно вводит в него

какую-то программу. Что она, наизусть ее помнит? Или это короткий стандартный тест, сам по себе влезший в долговременную память, размещенный в этой очаровательной головке? Начальник смены раскладывает распечатки на столе в дальнем углу комнаты. Я, заложив руки за спину, задумчиво бреду, огибая стоящие на дороге стулья, в его сторону. Поравнявшись с работающим «Нестором», медленно поворачиваюсь, невзначай задерживая взгляд на дисплее…

На нем длиннющая серия чисел: 42.83.17.61.21.84.60. 11… Прочитать дальше я не успеваю, потому что дисплей вдруг гаснет. Я перевожу взгляд на трогательно-беззащитный затылок Элли, склонившейся над клавиатурой, и натыкаюсь на ее гневный взгляд, нацеленный, словно дуэльный пистолет, мне в переносицу.

— Простите, — помимо воли срывается с моих губ. Но, собственно говоря, что я такого сделал? Ну прогулялся туда-сюда, ну машинально скользнул взглядом по дисплею… И за это — под дуло пистолета?!

— Не люблю, когда стоят за спиной, — рассеивает Элли мое недоумение, готовое перейти в обиду.

Фу-ты, ну-ты. А я-то уж думал…

Что-то неуловимо меняется вдруг в машинном зале. Его словно захлестывает гигантская невидимая волна. Мы все чувствуем это одновременно: и Элли, испуганной кошкой спрыгнувшая со стула, и Белобоков, втянувший голову в плечи, словно его вот-вот должны ударить, и два парня, суетившиеся — я хорошо вижу их сквозь стеклянную перегородку — возле «еэски» в дальнем конце зала.

Элли и Белобоков спешат в машзал. От быстрой ходьбы полы их белых халатов разлетаются — словно у врачей, спешащих к умирающему больному. Полюбовавшись — всего лишь пару мгновений — стройными ножками Элли, я, слегка согнув в локте левую руку, лихорадочно ввожу в память «петушка» числа: 42.83.17.61.21.84.60.11. На всякий случай. Так охотник, идущий на крупного зверя, запоминает все, что видит: и свежесломанную ветку, и необычный крик сойки…

Выбежав на площадку между двумя «Эльбрусами», Элли и Белобоков останавливаются. Больной умер…

— Ну вот, опять! — недовольно говорит один из парней, работавших с «эской», вставая и потягиваясь. — Шабаш, братцы! Эл, соорудила бы ты нам чайку, а? Все равно дела не будет.

По-прежнему гудит система охлаждения, все так же перемигиваются светодиоды на вогнутых панелях «еэсок» и строгих фасадах «Эльбрусов»… Ага, вот в чем дело. Стало

намного тише. Замерли все принтеры, застыл с красным фломастером в «руке» графопостроитель. И полыхают малиновым указатели перегрузки каналов связи. Батюшки-светы! Это сколько же гигабит надо по ним перекачивать, чтобы перегрузить? Иди счет идет уже на терабиты?

— Ладно, мальчики, сейчас соорудим. А заварка у нас есть?

Не дождавшись ответа, Элли убегает в «тихую» комнату.

И это — вместо того, чтобы искать причину и устранять неполадки?! Вот уж воистину: каков поп, таков и приход. Директор — мямля, за полгода не добившийся ремонта линии связи, подчиненные, гоняющие чаи вместо аврала…

Ко мне вразвалочку подходит Белобоков.

— Ну, видите? И так будет часа два-три. Словно припадок какой-то.

Он тянет меня к ближайшему терминалу. Длинные узловатые пальцы порхают над клавиатурой, словно стайка бабочек. У одной из них крылья с золотыми полосками: обручальное кольцо. Наконец, мизинец правой руки замирает на клавише «ввод». «Канал обмена занят» — тут же отшивает Белобокова система.

— И так — по всем терминалам, — разводит он руками.

— А если… Если какую-то из машин отключить от кольца… Такой режим ведь предусмотрен?

— Да пробовали уже! Весь прошлый квартал экспериментировали. Эффект — отрицательный. Длительность приступов увеличивается — и вся любовь! А отключенная машина в автономном режиме работает нормально, без сбоев. Пока ее потом подключишь да в режим войдешь… Эти опыты нам уже в копеечку влетели: в прошлом квартале без премии из-за них остались. Потом плюнули на это дело. Через пару часов система образумится сама по себе. Элли долго с нею возилась… Она же первая и догадалась, что лучше «Эллипс» во время приступов не трогать: себе дороже получается. Причем, самое обидное, в буквальном смысле.

Кажется, между Белобоковым и Элли что-то было. Ему так приятно сообщить, что она «первая догадалась»… Да, собственно, между каждым нормальным мужиком этого ГИВЦа и Элли что-то должно быть. Или тайная неразделенная любовь, или явная, или разделенная, но потом отвергнутая. А ведь есть же где-то счастливчик… Или даже здесь…

— Толковая девушка, да? Замужем? — вскользь интересуюсь я.

— Да вроде нет пока, — нехотя отвечает начальник смены, нервно оглаживая усы.

Что, почувствовал во мне соперника? А как же кольцо на

твоей правой руке? Ладно, дружок, не волнуйся. Через неделю я уеду, а Элли останется здесь. Впрочем… Правильно сделал, что почувствовал.

— Почему вы гоняете ее в ночные смены? — неожиданно обрушиваюсь я на Белобокова. — Такие девушки должны по ночам спать, а не за дисплеями стареть раньше времени. Красоту беречь надо! Ее назначение, как известно, мир спасать, а не план вашего задрипанного ГИВЦа!

— Да она сама захотела! — оправдывается опешивший от неожиданности начальник смены. — Как раз после того, как эти приступы начались. Сказала, что третья смена ей удобнее… по личным обстоятельствам.

— Да-да, сама, — подтверждает неслышно появившаяся за моей спиной Элли. Белый, накрахмаленный до хруста халатик очень идет ей. Я давно уже заметил: красивым девушкам все к лицу. И смотрит на меня она теперь явно с любопытством. Как это я кстати ругнулся…

— Мальчики, идемте чай пить! — подхватывает нас под руки Элли и ведет в «тихую». Интересно, что это могут быть за личные обстоятельства, из-за которых молодая красивая женщина проводит ночи не в теплой постели… с кем-нибудь… а за терминалом «кольца»?

Я с сожалением оглядываюсь на ближайшую «еэску». Светодиоды мигают на ней, как на новогодней елке. Хоть шампанское открывай. Но… проявлять слишком много любопытства тоже не следует. Вирусогеном может оказаться любой из этих довольно милых молодых людей и важно его не спугнуть. Любой. И даже Элли…

Чай приготовлен на широком двухтумбовом письменном столе. Чистая салфетка, сухарики… Недурственно. Чувствуется женская рука.

— Присаживайтесь, — предлагает мне кожаное кресло во главе стола Белобоков.

— Спасибо. Полагаю, это место должна занять хозяйка, — вежливо отказываюсь я, усаживаясь на хлипкий стул рядом. И тут же ловлю благодарный взгляд Элли. Между прочим, уже второй за последние пять минут.

Я, кажется, правильно сделал, согласившись на чаепитие. Здесь можно узнать больше, чем в машзале.

— Эл, а ты и сегодня будешь играть в доктора Айболита? — спрашивает черноволосый коренастый оператор, подтаскивая от соседних столов еще пару стульев.

— Нет! — коротко отвечает девушка и поясняет мне, как новичку в компании: — Это я целый месяц пыталась вылечить

«Эллипса». Или хотя бы узнать, чем он болен. Но ничего у меня не получилось… — Элли наливает в разнокалиберные чашки заварку из пузатого керамического чайника и пододвигает ко мне сухарницу: — Угощайтесь. Свеженькие!

Я быстро протягиваю руку, и наши пальцы на мгновение соприкасаются. Интересно, обратила она на это внимание или нет? Какие розовые у нее ногти… Коротко подстриженные и покрытые бесцветным лаком. Совсем немодным в данное время. Или даже совсем голые? Ну да при таких «внешних данных» за модой можно не следить. Она и в халатике королева. А уж в вечернем платье… Или еще лучше…

Элли, словно прочитав мои не успевшие родиться мысли, вдруг строго смотрит на меня и спрашивает:

— И какими ожидаются результаты инспекции? Вы не будете судить нас слишком строго?

Милая девочка! Да не это должно волновать тебя сейчас! Тебе о замужестве надо думать, а не о результатах инспекции! Молодость скоро пройдет, как с белых яблонь дым, и с чем ты останешься? С прекрасными результатами инспекции? Красота — она вроде бумажных денег, а жизнь — галопирующая инфляция. И чтобы не очутиться через десяток лет у разбитого корыта, эти деньги нужно как можно быстрее обменять на «хорошо обеспеченное будущее». В крайнем случае на любовь, но — с гарантией. Заверенной штампом в паспорте…

— Трудно сказать. Меня беспокоят эти приступы. Хорошо, если они вызваны ошибкой в программном обеспечении сетевого обмена. Тогда после размыкания «Эллипса» и включения компьютеров в гиперсеть с ее совершенно другим ПО припадки сами собой прекратятся. Но если это — скрытый дефект одной из машин? В «Неводе» сразу же появится существенных размеров дыра. А не хотелось бы.

Элли наклоняет голову и смотрит на меня чуть искоса, словно кокетливая десятилетняя девочка. И этот взгляд ей очень идет.

— А когда вы собираетесь забрасывать в море информации свой «Невод»?

— Через месяц. Но ошибку нужно найти раньше. У вас есть какие-то…

— Я просто так спросила, — перебивает меня Элли. — Из женского любопытства. Алик, еще чашечку? Ты у нас любитель чаи гонять.

Кажется, мой ответ ее встревожил. Хотя ничего нового я не сообщил. Срок включения гиперсети давно известен. Небось, и обязательства по досрочной подготовке компьютеров к

включению приняты. Так что же ее взволновало?

Я смотрю сбоку на маленький, чуть вздернутый носик, перечеркнутый тоненькой черной полоской ресниц, отхлебываю мелкими глотками горячий чай и вдруг думаю: «А все-таки хорошая у меня работа. И эти надоевшие командировки, и бесконечные ночные смены… Во всем есть скрытый положительный смысл. Может быть, и чаепитие — не случайно? И эта красивая

девушка рядом, на расстоянии локтя — тоже? И загадочный вирус…»

— Скажите, а давно начались приступы лихорадки? — спрашиваю я у Белобокова. Кажется, ему не нравится, что Элли так много со мною разговаривает. Да и двум другим парням тоже. Я их понимаю. Приехал столичный хлыщ и обхаживает красивую провинциалочку. С известными намерениями.

— Месяца через два после повреждения кабеля. Вначале это повторялось не каждую ночь, поэтому первые приступы сочли за случайные сбои в обмене. А уж потом… Можно журнал дежурств полистать, там должно быть как-то отмечено.

Ну конечно. Как это я сам не догадался? В журнале наверняка должно быть что-нибудь интересное. А вдруг это все-таки компьютерный вирус? С замедленным действием, вроде того, которым вызывается СПИД? Только такой, наверное, и может преодолеть мощную иммунную систему современных сетей. Сколько возни было, пока ее отладили. И вот теперь — все сначала…

С трудом дождавшись конца чайной церемонии, я прошу у Белобокова журнал.

— Он вообще-то у нас… в довольно свободной форме ведется, — озадаченно трет он ладонью высокий, с едва намечающимися морщинками, лоб. — Молодежь иногда развлекается. Поскольку за все время существования этого уникального издания вы — первый посторонний читатель… В общем, на форму не обращайте внимания. А содержание абсолютно правдиво, без вымысла и умолчаний. Цензура у нас начисто отсутствует. Вам, насколько я понимаю, нужен предпоследний номер?

— Тот, в котором завязка драмы. Окончание ее, насколько я понимаю, будет дописано в ближайшее время.

Выходя вслед за Белобоковым из «тихой» комнаты, я оглядываюсь. Элли собрала в пластмассовую коробку чашки и теперь вытирает стол фланелевой салфеткой. Брови ее насуплены, взгляд сосредоточен. Как будто она не со стола убирает, а к прыжку с десятиметровой вышки готовится. Что же

ее так встревожило? Уж не мои ли слова о скором окончании драмы? Стоп, стоп. Видно, это у меня уже профессиональное: подозревать первого встречного и за каждым кустом видеть вирусогена. Просто у девочки какие-то неприятности личного свойства. Никакая красота от них, к сожалению, не спасает. Скорее даже наоборот, способствует.

— Вы можете посидеть за моим столом, — говорит мне Белобоков, вручая большую тетрадь в синем дерматиновом переплете. — Здесь все-таки потише, чем в зале. А я, с вашего позволения, займусь делами. У нас что-то «еэска» засбоила.

Белобоков исчезает постепенно, словно Чеширский кот. Дверь за ним уже закрылась, а голос все звучит:

— Хотим распотрошить ее и посмотреть, что там такое приключилось…

Я открываю журнал. На первой странице — крупная косая надпись красным фломастером: «Уаа, уаа, уаа! Наш подопечный, наконец-то, издал первый крик. Ура! Предлагаю это дело отпраздновать.

6 апреля, 2-я смена. Мальчики, я тоже хочу! Но в субботу у меня опять вторая! Давайте в пятницу, а? И кто из вас догадался первой строкой записать «уаа, уаа!»? Три тысячи поцелуев!»

Подпись неразборчива, но я уверен, это Элли. Какой у нее красивый почерк… В школе, наверное, отличницей была. И кому же, интересно, достались поцелуи? Я бы на месте этого счастливчика потребовал один, но настоящий.

«3-я смена.

Кто стырил ТЭЗы из моего стола? Положь, где взял, а не то хуже будет! И потом, когда вы уже научите младенца говорить? Мне это «уаа, уаа» и дома уже во как надоело!

7 апреля, первая смена.

Меняю три тысячи бумажных поцелуев на один, но — натуральный! Предлагаю перенести крестины на воскресенье. Заодно и разочтемся…

7.04. 2 см.

Дима, но-но! Не шали! А то будешь сам уаа-уаа!

3-я смена.

Последний раз спрашиваю: где мои ТЭЗы? Они, кстати, оба неисправны. Блуждающий отказ. Слушай, Тимур, как починишь — подбрось мне их обратно в стол, лады?

8 апр. 1 см. Какой идиот вчера раскрутил гайки оптических соединителей на контролере обмена «Эльбру-са-8»? Мы всю ночь искали причину сбоев! И на «Микротехнологии», кстати, тоже! К ответу!

2 см. Чьи ТЭЗы уже неделю валяются на моем сейфе? К тому

же неисправные… Забирай, Маша-растеряша!

3-я смена. Это не мои ТЭЗы! Мои фурычили! Сам ты Маша!

9 апреля, 1 смена. Коллеги предыдущей смены! И как это вы умудрились вчера ничего не напортить? Задачка геологов прошла как миленькая, всего за 4 часа. И только благодаря тому, что вы в этот раз не прикасались к машинам!

2 смена. Вставь новые предохранители и успокойся, никому твои ТЭЗы не были нужны. А что ты там пел про «блуждающие отказы»? Все врут календари?»

Я перелистываю несколько страничек, так и не выяснив, добился ли этот нахал от Элли поцелуя. Белобоков прав, читается журнал дежурств почти как художественный. Ишь ты, писатели… Это они все перед Элли выпендриваются. Что же, работай я здесь — делал бы то же самое, в первых рядах. Как же она еще не замужем? И не была?

«16 апреля, 2 см. Обмен в „Эллипсе“ нарушен. Проверили оба „Эльбруса“ — они в порядке. Наверное, обрыв на линии. Но „еэски“ тоже не мешало бы протестировать по полной программе.

19 апреля, 3-я смена. Обращаю внимание руководства на то, что половину задач без работающего «Эллипса» мы решать не сможем. А это — 80 % всех договорных работ. Зреет большой скандал. Администрация свои шесть окладов все равно получит, а наша премия? Тю-тю? Доброжелатель.

20.04. 1 смена. Когда «Эллипса» еще не было, мы все задачки решали. Правда, искусство программирования было на высоте. Потому и за премию никто не беспокоился. Так что — упяред! Дерзайте! Или вы только дерзить способны? Администратор».

А вот и почерк Элли:

«Мальчики! Кто починил мою настольную лампу? Спасибо!»

Раздавать тысячами поцелуи она уже не решается. Нацеловалась… Ага, вот то, что я ищу:

«28.04. 3 см. Сегодня, между 23–48 и 00–27, наблюдался странный мерцающий сбой. „Эллипс“ по непонятной причине приостановил ввод задачи (этой самой, для геологов) и начал сопеть в тряпочку. На укоры не реагировал. Заработал, как ни в чем не бывало, лишь после того, как Антон послал его по адресу и дал кулаком в морду. Может, опять на линии неполадки?

29 апреля, 1 смена. «Эллипс» отпахал всю смену, как папа Карло. Видимо, воспитательные меры были выбраны правильно. Антон, да ты у нас Макаренко, оказывается!

2 смена. «Эллипс» крутится, как никогда. А может, он у вас просто соснул маленько? Вместе с вами?

3 см. Скептики могут остаться на ночь и убедиться сами! Сегодня «Эллипс» дрых на 16 дольше. Еле-еле успели потом все

посчитать. Кстати, система обмена во время «сна» работала на всю катушку. Что бы это значило, а? Кто-нибудь просекает?

30 апреля. 1 смена. Ребята, у вас там привидение или массовая галлюцинация (что, в общем-то, одно и то же). «Эллипс» никогда так хорошо не кувыркался, как вчера и сегодня».

Я перелистываю еще несколько страничек. Должны же у них быть какие-то соображения по поводу происходящей несуразицы. Не сразу, небось, махнули на причуды «Эллипса» рукой и начали преспокойно обсчитывать задачи в свободное от приступов время.

«26 августа, 3 см. Приступ лихорадки продолжался 2,5 часа. Битье по методу Кошелькова уже не помогает. Зато картинки показывает… Красивые женщины в натуральном виде. Формы — закачаешься! Куда там всем этим „мисс-…“!»

Что это, очередная хохма? Или действительно в мчащихся по световодам «Эллипса» потоках информации есть какой-то смысл?

«27.08. 1 см. Алик! Готов завтра отдежурить за тебя! Безвозмездно! Только расскажи, как ты это делаешь?»

Подпись, как обычно, неразборчива. А вот имя Алик, кажется, уже произносилось сегодня, во время чаепития.

Перелистав журнал до конца и не обнаружив больше ничего интересного, я выхожу из каморки. Настроение, как никогда, скверное. Впервые за несколько лет работы я не знаю, что делать. Если перекачиваемая во время приступов информация небессмысленна, то дело не в ошибках системы обмена. Это все-таки вирус. Но ловить его сейчас нельзя, вход в систему закрыт. А выискивать паразита среди миллиардов бит информации потом, когда припадок кончится, — дело крайне неблагодарное. Тем более, что, если это и вирус, то совершенно нового типа. А времени у меня — меньше шести суток.

Машинный зал — в полубессознательном состоянии. Ровно гудит система охлаждения, полыхают малиновым указатели перегрузки сети обмена, но принтеры и загрузчики бездействуют. Кома.

Алик, помнится, длинен и белобрыс. Вот он, склонился над монтажным столиком. Тонкая шея в прыщах, свалявшиеся волосы… Что же ты, Алик? Следить за собой надо. Особенно, когда рядом такие девушки работают…

— Простите, можно вас на минутку?

— Сейчас. Проводок допаяю…

Нервным движением откидывает со лба волосы, поворачивается, отчаянно скрипя стулом.

— Скажите… Месяца два назад, насколько мне известно, вы пробовали выяснить, какого рода информацией переполняются каналы «Эллипса» во время приступов. Там еще картинки были…

не совсем приличные. Вы не могли бы и мне их показать?

Алик хмурит лоб, припоминая. Взгляд его плавно меняется: от озабоченного до оловянного.

— Я что-то не понимаю, о чем вы. Мы действительно врезались в каналы обмена, пытались подсмотреть, что за информация гуляет в них на сквознячке. Но ничего толкового так и не углядели. По часовой стрелке шастают какие-то массивы чисел, совершенно неидентифицируемые. Против часовой — практически то же самое. Правда, их мне удалось дешифровать как фрагменты изображений, тоже довольно бессмысленных. Видели, как вращаются ленточные накопители? Прямо-таки судорожно. Вот с них и прет что попало.

М-да… Не хотелось, а придется.

— Вы мне все-таки покажите… — говорю я с придыханием. Глаза мои начинают лихорадочно блестеть. — Ну, те, где женщины… в натуральном виде…

Алик смотрит на меня брезгливо, как будто я только что высморкался без помощи носового платка.

— Да не было там никаких голых баб. Это мы так, Кольку подразнить. Он к этому делу сильно неравнодушен был. Ну, мы и схохмили. У Василия Федоровича жена в медицинском преподает. Он и притащил учебный видеофильм для акушеров-гинекологов. Мы «дживисяк» замаскировали, выход его на цветной монитор запустили. Есть тут у нас один такой, в телевизионном стандарте работает. А сами, конечно, за Колькой наблюдали. Он только минут через пять понял, что к чему. Две недели потом со мной не разговаривал. И до сих пор ходит, как в воду опущенный. Его уж и подначивать перестали, но все равно… О порнушках теперь и слышать не хочет. Очень этот фильм на него подействовал…

Алик грустно качает головой.

— В общем, переборщили мы малость. Сколько он раньше похабных анекдотов рассказывал, а теперь ни гу-гу. Говорят, о смысле жизни начал задумываться… Кто ж знал, что он так близко к сердцу примет?

Белобрысый так усиленно переживает случившееся, что я начинаю сомневаться в его искренности. Пока я раздумываю, в какую сторону двигать разговор дальше, мой собеседник, снова сделав глаза оловянными, вдруг добавляет:

— Но если вы очень интересуетесь, я могу еще раз Василия Федоровича попросить.

Что, получил? И поделом! Не расслабляйся!

— Вы неправильно меня поняли, — говорю я сухо. — Мне нужно посмотреть те фрагменты изображений, которые вы наблюдали. Пусть даже и бессмысленные. Можете их показать?

Алик, пожав плечами, встает со своего скрипучего стула.

— Могу, конечно. Если терминал не отсоединили. Только вряд ли даже вы в них что поймете, — вежливо говорит он, подчеркивая слово «вы» столь жирной чертой, что вся фраза меняет тон на противоположный. Ах ты, мальчишка! Пользуешься моей зависимостью от тебя…

Мы идем в дисплейный класс. Два ряда одинаковых столиков с разнокалиберными мониторами, мертвенный свет ламп дневного света… Алик включает самый дальний от двери терминал, молча ждет, пока он прогреется. Наконец, быстро пробегает пальцами по клавиатуре. Настолько быстро, что я не успеваю запомнить последовательность. На дисплее высвечиваются голубым строки: «Программа „Глазок“. Алик нажимает клавишу „ввод“, и…

Таких картинок, по-моему, даже Кандинский не рисовал. Унылая косая сетка с разноцветными параллелограммчиками, живущими загадочной, не поддающейся логическому описанию жизнью. Какие-то странные волны, беспорядочные мерцания, потом вдруг — мгновенно повсеместное исчезновение одних оттенков и появление других, из противоположного конца цветовой гаммы…

Алик задумчиво смотрит на экран, потом выводит на него текст программы, вводит в нее прямо с клавиатуры какие-то поправки, и мы снова пытаемся уловить скрытый порядок в хаосе цветовых пятен…

— Черт… Что-то изменилось… Программа перестала работать. А почему, не пойму…

Ой ли? А может быть, тебе просто не хочется, чтобы

она работала? Этого ведь так просто добиться… Одно неверное нажатие клавиши — и вот уже вместо красивых женщин они же, но в стиле «авангард».

— Мы когда сделали врезку, распечатали фрагмент массива, шпарившего по каналу обмена. Получили набор цифр. Долго смотрели на них, как на новые ворота, а потом я подметил, что одно и то же число повторяется со строгой периодичностью, ложится в распечатке на одну косую линию. Ну, мы предположили, что это что-то вроде строчного импульса, и попробовали построить кадры стандартного размера. Получались какие-то изображения. А теперь вот, сами видите, не поймешь что прет…

— А что именно отображалось?

— Ну, домики там… Какое-то подобие города, силуэты людей… Похоже на детские рисунки. Или на картины художников-примитивистов. Хотя нет, у них все-таки полотна

посложнее бывают…

— Вы не могли бы припомнить, когда последний раз рассматривали картинки?

— Да уж месяц тому… Если не полтора.

— А сделанные тогда распечатки… не сохранились? Мне бы очень, очень хотелось на них взглянуть!

— Вряд ли. Думаю, Василий Федорович давно уже сдал их в макулатуру. Он у нас детективы собирает, вчера как раз новеньким хвастался.

Кажется, моя назойливость начинает ему надоедать. И все же…

— У меня к вам большая просьба. Это очень важно для меня. Мы не могли бы сейчас вместе сделать еще одну распечатку? По-моему, здесь, — киваю я на экран, — по-прежнему идут какие-то изображения. И если заново подобрать строчный и кадровый импульсы…

— Я с огромным удовольствием помог бы вам, но… Во-первых, ничего любопытного в тех картинках не было, а во-вторых, у меня есть плановая работа, и начальник не поймет, если я вместо нее…

Все правильно, Алик. В условиях самоокупаемости за просто так делать работу для дяди… А может быть, дело не в хозрасчете? Может быть, у него совсем другой расчет? Сейчас мы это проверим…

— Извините, что так надолго отвлек вас. Премного вам благодарен. Но я хотел бы еще покумекать над этими картинками. Не подскажете, как вызывается программа «Глазок»?

— Очень просто. Как войти в систему, знаете?

— В курсе.

— Вот и отлично. Но во время приступа вход в нее заблокирован…

Я холодно смотрю в его серые невинные глаза. Они снова становятся оловянными.

— …со всех терминалов, кроме этого, — продолжает Алик после довольно длинной паузы. Ишь ты, шутник! — Он, как дверной глазок, врезан прямо в канал обмена, а чтобы подсмотреть, что в нем делается, нужно набрать код входа в систему и текст: «Глазок». И вся любовь до копейки. Ага. Значит, все-таки хозрасчет.

Алик исчезает. Я — почти бегом! — приношу из каморки Белобокова свой кейс и, прежде чем прекращается разноцветное мельтешение на дисплее, успеваю переписать на дискеты солидную выборку. Юрику будет над чем поломать голову.

Отключив терминал, я подхожу к окну и старательно

разминаю затекшие мышцы. Сквозь шум первых автомашин пробивается тихий шелест возобновившегося дождя. Через полчаса — конец смены. Ну что, все на сегодня? Или подкатиться к Элли, проверить, так ли уж она неприступна, как представляется на первый взгляд? Может, только представляется? В смысле — прикидывается? Сейчас, после бессонной ночи, мне ничего не хочется. Ей, надо полагать, тоже. Но потом… Кажется, никуда нам от этого не уйти. Не зря же она так посмотрела на меня во время чайной церемонии. «И когда вы собираетесь забрасывать в море информации свой „Невод“? А в глазах — совсем другое…

Выключив в классе свет и прихватив с собой кейс, я возвращаюсь в машзал. Здесь ничто не напоминает о закончившемся приступе. Поскрипывают струйные принтеры, Алик хмурит прыщавый лоб над отказавшим ТЭЗом. Светловолосая головка с трогательными завитками на затылке склоняется над клавиатурой. Подойти ближе, чем на три метра, я не решаюсь. Подумает еще, что я снова за ней поглядываю. А мне в данный момент это совершенно ни к чему.

— Элли! — негромко окликаю я. Она тут же полуоборачивается, вопросительно вскидывая тонкие темные брови. Так, теперь можно сократить дистанцию. Пока — лишь в буквальном смысле.

— Простите, что побеспокоил…

— Ничего, я уже заканчиваю.

Дисплей за ее спиной становится безжизненно-серым. Что за детские секреты? Интересно все-таки, что

было на нем секунду назад? Приказ белобрысого рвать когти? Список членов городской масонской ложи? Какие девичьи тайны скрывает эта светлая головка, украшенная огромными темными глазами? Надо будет как-нибудь оставить под ее терминалом «стукача». Но не сегодня.

— Я только хотел спросить, завтра вы тоже в ночную смену?

— Да. А что?

Глазищи смотрят прямо и бесхитростно. Ни грани кокетства, ни на йоту игры.

— Я впервые в вашем городе, хотя много слышал о нем. Не могли бы вы уделить мне вечером часок-другой и показать достопримечательности? А то с этой работой вечно ничего не успеваешь. Жизнь идет, но как-то все мимо, мимо…

Переспать я с тобою хочу, вот что.

— К сожалению…

Она все уже решила. Ну конечно же, решила. Они, красивые и привлекательные, отвечают на этот вопрос в первые пять минут

после знакомства со своими несчастными жертвами. Но, кажется, и сами не подозревают о своем выборе. А уж нам-то, мужчинам, и подавно не дано знать, что на этот раз означает «к сожалению»: «да» или «нет».

— …Сегодня я не смогу.

О, как прекрасно слово «сегодня»!

— Значит, завтра?

— А завтра тем более, — весело отвечает Элли и, нежно улыбнувшись, спрашивает:

— Вы как долго пробудете в нашем городе?

— До конца недели. Но, если понадобится, могу остаться и на выходные, — неосторожно раскрываюсь я, очарованный голосом и улыбкой. Если понадобится… Удобная фраза. Оставляет выбор. То ли нам с тобой понадобится, то ли работа заставит…

— Вот до конца недели я и не смогу. А если понадобится, то и в выходные тоже.

Кажется, это называется «от ворот поворот».

— Ну что же… Придется мне остаться у вас на пару месяцев, — со вздохом говорю я и смотрю в ее глаза самым откровенным взглядом, на какой только способен. И получаю в награду за настойчивость самую обворожительную за сегодняшнюю ночь улыбку. Впрочем, у нее каждая улыбка — самая.

Итак, первая атака отбита, но мне удалось отступить на заранее подготовленные позиции.

Дождь стучит по крыше «вольвочки» неутомимо и однообразно, словно засыпающий барабанщик. Японский кассетник обволакивает салон мягкой уютной музыкой. Всякий, кто проходит мимо, сразу понимает, что это вот и есть счастье — сидеть в теплой машине, слушать, как мелодия дождя сливается с аккордами нестареющего «Пинк Флойда», и наслаждаться дымком американской сигареты. Несколько раз хлопает входная дверь. Каждый раз вглядываюсь в придавленные дождем фигуры. Не то, не то, типичное не то.

А вот и Элли. Плащ, поднятый над головой, делает ее похожей на встревоженную птицу. Упоительная музыка сбегающих по ступеням каблучков — до нее далеко и унылому дождю, и неистощимому на выдумки ансамблю. Самый волнующий аккорд — заключительный. И падали два башмачка со стуком на пол. И воск слезами ночника на платье капал… Платьишко на ней, конечно, так себе, серенькое. Это заметно даже в тусклом свете прилепленных к козырьку над входом фонарей. Но если девочку приодеть… вызвав предварительно в Москву на курсы переподготовки…

«Вольвочка» плавно трогается с места и подкатывает вплотную к лестнице. Стекло уже опущено.

— Позвольте вас подвезти? Такой дождь, а вы без зонта.

Замерла на третьей ступеньке снизу. Острые коленки — как раз на уровне моих глаз.

— Боюсь, нам не по пути.

Она что, не отличает «вольво» от «Оки»? Придется вылезать под дождь. Но вначале — чуть громче музыку, чтобы девочке лучше было слышно. А теперь — галантно раскрыть над ее плащом зонт.

— Ради вас я готов изменить маршрут.

— И поехать за мной на край света, — с готовностью продолжает Элли.

— Где никто не сможет помешать нам, — невозмутимо продолжаю я.

— Помешать нам — чем заниматься?

Она оставляет мне слишком короткую паузу для ответа на столь прямой вопрос.

— У вас прекрасный автомобиль. Но я предпочитаю трамвай.

На мгновение отпустив плащ, Элли, как трехлетняя девочка, «делает ручкой» и, обогнув машину, уходит в темноту и сырость, постукивая своими давно вышедшими из моды каблучками.

Ага, все-таки отличает. Просто ломается. Значит, не все потеряно. Рано или поздно к этому глаголу всегда добавляется приставка «с». И падают два башмачка со стуком на пол…

А вдруг она с предрассудками?

Юрика я встречаю на вокзале. Неопрятный перрон, чумазые вагоны… Провинция. И, контрастом, Юрик: широкополая шляпа, элегантный плащ, изысканный галстук. Пижон. Такая демаскировка когда-нибудь выйдет ему боком. Но работу свою знает хорошо.

Суть дела я успеваю изложить ему еще в машине, по дороге в гостиницу. Номер для него освободится только завтра, а пока… вот, диванчик в Гришином «полулюксе». Сам Гриша дрыхнет на широкой кровати, крепко зажав в кулаке собственную бороду. Боится, что украдут его величайшую ценность. Проснулся, зевнул, ругнулся.

— Потише нельзя? Поспать не дадут. Я сдергиваю с него одеяло.

— Не надо дверь оставлять открытой. Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Решено. Гришу я отправляю на «Комету». Задача Юрика — расшифровка изображений.

— А ты что будешь делать? — интересуется Гриша, натягивая

брюки.

— А я ложусь спать.

— Ты что, всю ночь это…

Изумленный Гриша делает — обеими руками — непристойный жест и с трудом успевает подхватить спадающие брюки. Юрик невозмутимо ухаживает за ногтями.

— Лично я всю ночь работал. А вот чем ты здесь занимался — это еще вопрос.

— Ну ладно, ладно — ворчит Гриша, застегивая пуговицы. — Охота тебе по ночам шастать. Ну, как эпилепсия? Был приступ? — И, не дождавшись ответа, поворачивается к Юрику.

— Слушай, тебе жена сухой паек выдала? Выкладывай! А то у меня от здешнего буфета уже изжога началась.

Если бы он так работал, как ест! Впрочем, пока к нему — никаких претензий.

На «Микротехнологию» я подъезжаю в пятнадцать с копейками. Представляюсь, как и положено, директору, он показывает меня начальнику ихнего ВЦ — энергичной женщине лет сорока пяти с угловатыми, как у школьницы, движениями.

Получив у нее «в полное и безраздельное распоряжение», как она выразилась, терминал, я начинаю рутинную проверку. На этот раз — с сетевого драйвера. Но он чист и прозрачен, как слеза младенца. Теперь — объектная библиотека…

За соседними терминалами появляются и исчезают какие-то тени, «петушок» трижды отмечает часовые интервалы, а я все запускаю в чрева компьютеров вирус-детекторы. И все они возвращаются ни с чем. Проверки по контрольным суммам и размерам тоже ничего не дают. Может быть, зря я все это делаю? Нет здесь никакого вируса…

Да, но почему директор ГИВЦа не вызвал нашего представителя и даже не сообщил о неполадках? И что там за странные нерасшифровываемые изображения гуляют по каналам обмена? И почему все приступы начинаются ровно в полночь, словно нечистая сила вселяется в компьютеры? А прекращаются они что, по крику петуха? Или все-таки по властному движению могучей, хотя пока и невидимой, руки?

Нет, не зря я сижу здесь с покрасневшими от перенапряжения и недосыпания глазами, не зря горблюсь над клавиатурой до онемения шейных мышц. Прежде, чем принимать решительные меры, — а без них, кажется, не обойтись, — я должен быть абсолютно уверен, что это все-таки не вирус. По крайней мере — не вирус уже известного типа.

Еще через час, когда дисплей покрывают мелкие серые мурашки, не исчезающие даже после зажмуривания глаз, я встаю

со стула, разминаю затекшие мышцы и покидаю полупустое здание. Тусклые фонари отражаются в так и не высохших после вчерашнего дождя лужах. Теперь бы — самое время погулять с Элли. Слушать ее щебетанье, острить по поводу и без повода, наслаждаться стуком вышедших из моды каблучков… Невзначай коснуться руки — раз, другой. Потом, в полутемном переулке, вдруг плотно прижать к себе и поцеловать… Мечты, мечты…

Остановившись у ближайшего отделения связи, я звоню жене. Узнаю, какая погода в Москве, выслушиваю последние домашние новости. Маришка разбила хрустальное блюдо — ну, то, которое на нижней полке серванта стояло. Витька получил двойку по литературе, а за что конкретно — не говорит. На кухне перестал закрываться кран. Вот, пожалуй, и все. Ах, да, еще они все по мне скучают. Я по ним, естественно, тоже.

Возвратившись в гостиницу, я вешаю на наружную ручку двери табличку с надписью «просьба не беспокоить» и сплю еще два часа. Итого за прошедшие сутки — восемь. Вполне достаточно для нормального самочувствия. А мне оно сейчас весьма кстати. Сегодня ночью может многое проясниться. Потому как дежурным оператором на «Микротехнологии» будет Петя Пеночкин. Местный Кулибин, героически ликвидировавший аварию, учиненную пьяным экскаваторщиком. Хотя нет, здесь было что-то другое. Ах, да, смотровой колодец в неположенном месте. Но все равно. Герой Петя Пеночкин, заставивший «Эллипс» постоянно работать в аварийном режиме. А если теперь пропустивший свою очередь экскаваторщик спохватится и оборвет еще один кабель? Что тогда? Судя по почерку, это действительно наш Петя Пеночкин. Только ему могло прийти в голову поменять штатный и нештатный режимы местами. Да еще и ошибку в программном обеспечении обмена допустить. Довольно, кстати, нетривиальную. Пожалуй, единственное, на что способны такие люди — это на нетривиальные ошибки. Ну, а если здесь все-таки злой умысел — Петя Пеночкин наверняка имеет к нему отношение. В качестве квалифицированного исполнителя. Что ни говори, а перекроить «кольцо» в «полумесяц» без определенного уровня профессионализма невозможно. Но вот кто и с какой целью использовал Пеночкина — это вопрос…

Машзал на «Микротехнологии» намного меньше, чем на ГИВЦе, а планировка почти такая же. Дисплейный класс, в котором я сегодня уже побывал, процессорный отсек с зарешеченными пожаробезопасными светильниками, комната с накопителями и оптическими дисководами и отгороженная металло-стеклянной перегородкой «тихая». Что меня заинтересовало — так это целых четыре «Нейрона». Днем я как-то

не обратил на них внимания.

И на ГИВЦе, я, кажется, пару таких машин видел…

Да, это наш Петя Пеночкин. Смотрит на меня, как на ожившего мертвеца. То снимет очки, то наденет. И каждые пять секунд заговорщицки подмигивает сразу двумя глазами. В институте за эту привычку его «мигуном» прозвали.

— Пашка?! Ты?! Какими судьбами?

— Иду, смотрю, дверь открыта. Дай, думаю, зайду, с однокурсником побалакаю… Ты что же это не запираешься, инструкцию игнорируешь? Мало ли кто может войти…

— А! — отмахивается Петя. — Внизу вахтер, он посторонних не пускает. Да и кодовый замок… Я просто забыл его с предохранителя снять, когда Евдокия Петровна уходила. Она, кстати, сказала, что явится какой-то важный инспектор. Но что это будешь ты! — мигает Пеночкин особенно выразительно. По-моему, даже его уши принимают участие в движении век и бровей.

Конечно же, это наш Петя Пеночкин. Большие проплешины по сторонам невысокого выпуклого лба, маленькие невыразительные глаза… Вокруг них уже обозначились морщины. Но в общем-то он мало изменился. Раньше он такой велосипед на носу носил… Обнялись, похлопали друг друга по спине. Прошедший через века мужской ритуал. И в один голос:

— Ну, как ты?

Опасный вопрос. Может резко испортить настроение, если на четвертом десятке за душой все еще ничего нет. Должность, машина, дача, диссер накропал — что там еще? Ах да, жена и дети. Европейский стандарт: двое. Слава богу, все проблемы решены вовремя. Так сказать, не отстал от поезда. Сообщаю обо всем этом, конечно, вскользь. Все, как у людей. А у тебя, дорогой однокурсник? До сих пор не женат? Что же ты так… Третий звонок уже прозвенел, поторопись. Поезд еще можно догнать. Если через полгодика жениться, быстренько соорудить пару детишек и заняться остальными нерешенными проблемами.

О кандидатской я Петю даже и не спрашиваю. Такие, как он, не защищаются. У них может быть десяток статей и дюжина изобретений, одно другого оригинальнее, а вот ученой степени — увы. Не дается она в руки, и все тут! Хоть стреляйся! Я таких, кстати, за версту отличаю. То ли походка у них особенная, то ли стрижка специфическая, а взгляну — и сразу все ясно становится. И вопросы-то они всегда задают не простые, а с подковыркой. Вот и сейчас. Не успели мы вспомнить наших, перечислить, кто где устроился, а Петя уже спрашивает:

— Что для тебя главное сейчас?

— Распилить ваш «Эллипс» и ввязать его обломки в «Невод». У вас подготовительные работы закончены?

Пеночкин пренебрежительно машет рукой.

— Закончены, кажется. Это ты у Евдокии Петровны можешь точнее узнать. Я о другом. Работа — само собой. Ну, а в общем? Забросите вы свой бредень — а дальше что?

— Как что? Будем ловить золотую рыбку! — отшучиваюсь я. Вот пристал! На повышение я иду, которое тебе и не снилось! Разве этого мало? — А у тебя сейчас — какая проблема наипервейшая? — возвращаю я Пете его дурацкий вопрос.

— Вот-вот… Та же самая. Хочу поймать свою золотую рыбку. Или даже две… — улыбается он бледными губами и замолкает.

Все понятно. Очередная идея-фикс, замок на песке, фата-моргана. На первом курсе он занимался парапсихологией, на втором усиленно посещал философский кружок. А на старших увлекался проблемой искусственного интеллекта, да так, что чуть без диплома не остался. Руководитель его стоял на земле двумя ногами, а не витал в эмпиреях, и весь бред про «Homo Cyberneticus» из дипломной работы повелел выбросить. Оставшихся материалов вполне хватило бы для защиты, но Пеночкин уперся… Болеть за него вся кафедра пришла. Еще бы, неслыханное дело: выйти на защиту с оценкой руководителя «неудовлетворительно»… В тот раз его пронесло. А теперь чем он занят? Разрабатывает компьютер седьмого поколения? Или какой-нибудь машинный суперязык? М-да… Судя по всему, дружище, жизнь твоя сворачивает наперекосяк. Даже маленьким начальником не стал. Впрочем, твоей вины в этом, может быть, и нет. Разве можно добиться чего-нибудь в жизни с такой фамилией? Пеночкин… Ассоциируется то ли с мыльной пеной, то ли с кипяченым молоком, то ли с легкомысленной птахой. Так к нему и относятся…

— Слушай, а наукой ты занимаешься? — огорошивает меня Петя очередным вопросом. — Я читаю довольно много статей, но твоя фамилия ни под одной не встретилась. Кроме тех, извини, довольно незрелых работ, на которых ты, насколько я понимаю, защитился.

Петя, с важным видом откинувшись на спинку стула, смотрит на меня как на человека, потерявшего в аварии руку. Или голову. Как на калеку смотрит. Вот чудак. Что толку от полудюжины твоих статей? Что мы, японцев догнали, лицензии продали, лучше жить стали? В другом месте нужно силы сейчас прикладывать, чтобы корабль разогнать. Ну, и чтобы самому за бортом не остаться.

Я это давно уже понял. А вот тебе, судя по всему, не удастся

понять этого никогда. Не дано, как говорится…

— С наукой мы расстались по-хорошему. У нее ко мне претензий нет, у меня к ней — тоже. Должность моя — ведущий инспектор. Фирма солидная и платят хорошо. Командировок, правда, много…

— А к нам на «Микротехнологию» с какой целью? — равнодушно спрашивает Пеночкин, открывая стол и пряча в него кипу распечаток. — Наша контора рядовая, ничего интересного. Тебе бы, наверное, надо на ГИВЦ подъехать, они тут всем заправляют.

— Ну-ну, не прибедняйся. Там я уже бы и выяснил, что верховодишь-то в городе как раз ты. Сделать из «Эллипса» полумесяц — твоя идея?

— Моя. Чем и горжусь. А не то бы «кольцо» до сих пор не работало. Пришлось, конечно, повозиться, прежде чем обмен полностью нормализовался. За что теперь и расплачиваюсь: чуть где какой сбой — сразу меня вызывают. Как «скорую помощь».

— Все правильно. Ни один добрый поступок не должен оставаться безнаказанным.

Петя снова достает из ящика распечатки и кладет их на стол. Причем — те же самые.

— Слушай… А ты не мог бы помочь мне в одном деле? — говорит он вдруг тихо и часто-часто мигает.

— О чем речь! Все, что в моих силах, сделаю. И что свыше них — тоже. Выручить однокурсника — святое дело.

Интересно, что ему может быть от меня нужно? Такие, как он, для себя никогда ничего не просят. Гордость им, видите ли, не позволяет. Но без одолжений и унижений в наше время не проживешь. Рано или поздно и у них, несгибаемых, появляется необходимость или жену к хорошему врачу устроить, или сына-дочку куда определить. На этом-то они и ломаются. Все до одного, без исключения. Да, но Пеночкин не женат. И детей у него, кажется, нет. Так в чем вопрос? Итальянские колготки для любовницы? Парфюмерный набор для невесты? Нет проблем. В любом комиссионном, только раскошеливайся…

— Вы когда собираетесь «Эллипс» размыкать? — спрашивает Петя, облизывая пересохшие губы.

— По плану — через три дня. Чтобы за выходные и следующую неделю сделать все необходимые соединения, протестировать… Комплексной бригаде уже командировки выписаны и гостиница забронирована.

— А нельзя ли это все… отложить на пару недель? Понимаешь, очень нужно!

М-да… С таким же успехом он мог бы попросить меня

прыгнуть с девятого этажа. С парашютом, конечно. Без парашюта — это было бы негуманно.

— Ты знаешь, что такое компьютерная сеть типа «гиперкуб»?

— Наслышан, как же. Телевизионщики все глаза проели, все уши прожужжали. Даже из нашего ГИВЦа один раз репортаж вели. «Здесь будет один из узлов Большой Сети»… Помнишь, как во времена нашего детства: «Здесь будет атомная электростанция»…

А вот от тебя я этого не ожидал. Чтобы так сузить собственный кругозор…

— Это ты как обыватель наслышан. Ну, а как специалист понимаешь, что это даст? «Новый этап НТР!» «Десятикратное ускорение прогресса!» «Каждое техническое решение — на уровне изобретения!» Это что, по-твоему, только газетные заголовки? Нет уж, послушай, дорогой, — не даю я ему возразить. — Ты, я вижу, в этих вопросах дремуч и мохом порос. Известно ли тебе, что как на Западе, так и на Востоке количественный рост компьютерных сетей привел, как и предписано законами диалектики, к гигантскому качественному сдвигу? Ты знаешь, что изобретений во всех областях они делают на порядок больше, чем десять лет назад? А пионерских — на два порядка! Ты знаешь, что мы скоро перестанем понимать, о чем они пишут в научных статьях? Из-за несовместимости скоростей обработки и усвоения информации? Нет, ты не знаешь этого, — вталкиваю я обратно на стул порывающегося встать Пеночкина, — иначе бы у тебя и мысли такой не возникло! Две-три недели… Да это вызовет дополнительное отставание всей, повторяю, всей нашей науки и техники на два-три года! Вот как теперь идет счет! А чем вызван этот качественный скачок, знаешь? Нет уж, позволь, я объясню! Дело в том, что Большая Сеть всю информацию, необходимую для решения самой экстравагантной задачи, может отыскать, упорядочить по десяткам признаков и представить в наиудобнейшем для восприятия виде через какие-то двадцать-тридцать минут! А через каждые сутки — дополнять и обновлять ее. И если ты захочешь, например, чтобы твоя жена стала русалкой, через четверть часа на твоем дисплее будут все имеющиеся на данный момент времени сведения о рыбьих и акульих хвостах, рыбьем клее, рыбьем мехе, совместимости тканей и так далее. Ты даже будешь знать, как ее потом будет удобнее чистить, от хвоста или от головы… Вернее, от бедер. А без помощи Сети только на сбор информации ушло бы пять лет… За это время жена ушла бы к другому, и остался бы ты ни с чем. Две-три недели… А то, что за ходом работ Председатель Совета Министров лично следит — ты знаешь?

Пеночкин сник и уже не пытается встать. Даже мигать перестал. Кажется, я понимаю, почему такие, как он, ничего в жизни не добиваются. От неумения трезво оценить свои силы. Вот и сейчас, я уверен, он обдумывает не то, как закруглить или законсервировать неоконченную работу за оставшиеся трое суток, а как пробиться на прием к Председателю и уболтать его повременить с размыканием «Эллипса».

— Знаешь, если бы я был вхож в Кремль, честное слово, замолвил бы за тебя словечко, — доброжелательно улыбаюсь я. — Но увы… А какую, собственно говоря, задачку ты не успел досчитать? Какую русалку не поймал?

Пеночкин снимает очки, протирает их носовым платком.

— Да так… Один любопытный расчетец… Водрузив очки обратно на нос, он дважды мигает, и в этот момент у меня мелькает сумасшедшая мысль. А может быть, это он ворует машинное время? Пытаясь реализовать свою идею-фикс? Но я тут же отбрасываю ее. Петя на это неспособен. Преступить законы и инструкции даже в самой малости… Для таких, как он, подобная задача не имеет решения. Его могли заставить, обмануть, увлечь, но чтобы Пеночкин сам… Нет. Да и что же это за идея такая, требующая столь огромной вычислительной мощи?

Я смотрю на дисплейчик «петушка». Без пяти минут полночь. Вот-вот начнется шабаш.

— Слушай, Петро, а сейчас у тебя с обменом все в порядке? «Полуэллипс» нормально работает?

— До твоего прихода не сбоил. А как теперь…

Он подходит к вперившему в нас недремлющее зеленое око «Нестору», делает запрос…

— Все в порядке. Ночью загрузка небольшая, так что, если тебе хочется знать свои неблагоприятные дни или гороскоп…

— А можно мне самому с ним пообщаться? — спрашиваю я, становясь так, чтобы видеть лицо собеседника, то есть позади терминала. Моя левая рука, скользнув в боковой карман, мгновенно выуживает из него серо-голубой портсигарчик.

— На какую тему? — настороженно спрашивает Петя.

— Хочу получить консультацию по вопросам организации обмена в больших вычислительных сетях, — говорю я и поднимаю правую руку якобы для того, чтобы почесать в затылке. Левая в это время аккуратненько ставит на заднюю стенку монитора «стукача».

— Хорошо. Я тебя сейчас введу в систему. Только знаешь, давай с другого терминала, ладно? А то я здесь наполовину программу набрал, вдруг ты ее невзначай сотрешь.

Ну вот, опять он переполошился. Программа полунабрана —

а дисплей пуст. Она что, секретная? Или ее просто нет? И про свою бредовую идею Пеночкин ничего не рассказывает…

Мы идем в дисплейный класс. Петя включает тот самый терминал, на котором я работал днем.

— И еще. Дай мне полистать ваш журнал дежурств. Есть таковой?

— Как такового нет. Мы выделили для этой цели оптический диск. Только вряд ли ты найдешь в нем что-нибудь существенное.

— Откуда ты знаешь, что для меня существенно, а что — нет? — спрашиваю я и вдруг замечаю: пальцы Пеночкина мелко подергиваются, словно уши у дремлющей овчарки. — Я и сам иногда этого не знаю.

— Но для чего-то он тебе все-таки нужен? Хотя бы в первом приближении? Для чего? — в упор спрашивает Петя.

— Да в этих журналах иногда такие перлы попадаются… А я последнее время увлекся собиранием кибернетического фольклора, — отвечаю я наглым голосом. Чего пристал? У тебя свои тайны, у меня свои. И что это ты так волнуешься за мою работу? Прямо-таки испереживался весь. До дрожи в пальцах.

Пеночкин, мигнув на прощание, уходит. Я начинаю «перелистывать» странички журнала. Так, так… Вот и 28 апреля. В ГИВЦе в эту ночь был первый приступ. А здесь? В журнале — ни словечка. Зато фамилии указаны. И дежурил как раз Пеночкин. И в последующие ночи тоже он. Ай да ребята! Ай да молодцы! Скрываете, значит? И КЗОТ, кстати, нарушаете. Не имеете права целый месяц одного и того же человека в ночную смену гонять. Это вам не «еэска», сломается — не починишь.

И еще вопросик возникает. Почему Петя один сегодня, без напарника? Грубейшее нарушение техники безопасности! Интересно, а с кем он дежурил полгода назад? Надо бы побеседовать с товарищем. Или они в одной шайке-лейке? Поговоришь вот так невзначай, а труп потом полтора года искать будут…

«Петушок», между прочим, показывает уже четверть первого. А как же приступ? Отменяется? Согнав с дисплея журнал, я набираю код входа в систему. «Эллипс» к работе готов» — тотчас высвечиваются на дисплее ярко-голубые буквы. Я запрашиваю текущее время и убеждаюсь: ноль часов шестнадцать минуть. А как же «эпилепсия»? Пациент вдруг срочно выздоровел? Что все это значит?

Это значит, что я спугнул зверя, за которым охочусь. Неосторожным словом, опрометчивым взглядом… Растяпа! Хотя, может быть, я и не виноват. Просто вирусоген излишне осторожен. Но, судя по реакции, я попал в самое его логово.

Хорошо еще, «стукача» сообразил поставить. Проинтуичил.

Теперь бы ноги унести подобру-поздорову.

Стараясь не скрипнуть дверью, я проскальзываю в машзал. Мирно перемигиваются светодиоды на панелях «Эльбрусов», скрипит струйный принтер… Пеночкин наигрывает на клавиатуре своего «Нестора» что-то бравурное, время от времени откидывая голову назад, подобно пианисту во время особенно выразительного пассажа.

Итак, я незаметно снимаю «стукача» и сматываюсь. Прямо в машине включаю свой «Спутник» и пытаюсь разобраться, что он тут наяривает. А тем временем…

А тем временем здесь может начаться работа по устранению следов вируса. Чтобы сегодня же ночью и закончиться. Мы с Гришей и Юриком проведем свои рутинные проверки, ничего не обнаружим, через месяц забросят «Невод». И вот тогда-то…

Я должен уйти, но в то же время остаться. Как в русских сказках: быть одновременно не одетым, но и не голым, передвигаться не верхом, но и не пешком… А еще я должен задать Пете один вопрос. И послушать, что он скажет в ответ. Это сразу многое может прояснить. Но, надеюсь, не все. Те, кто слишком много знают… Ничего хорошего им ждать не приходится.

Пеночкин перестал играть и сидит, закинув руки за голову. Прекрасно, маэстро. Отдыхайте. Сейчас я объявлю следующий номер.

Медленно-медленно, стараясь не зашелохнуть, не прогреметь, я иду к входной двери. Благополучно достигнув ее, достаю из кармана перочинный ножичек с двадцатью четырьмя лезвиями, открываю отверточку и, открутив два винта, снимаю крышечку с примитивнейшего кодового замка. Затем, чиркнув колесиком зажигалки, определяю повернутые шпеньки. Код замка 125. А точнее, 512. Ничего оригинального: два в девятой степени. Зато легко запоминается.

Вновь поставив замок на предохранитель, я громко хлопаю дверью. Пеночкин пребывает в прежней позе. руки за головой, локти широко расставлены. И все так же пялится на дисплей. Совершенно пустой, между прочим. Только квадратик курсора в левом верхнем углу тревожно вспыхивает крохотным тревожным маячком.

— Ну что, почитал? — подмигивает мне Петя двумя глазами, когда я бесшумно возникаю рядом с ним.

— Да. Скучный журнал, ничего интересного. Насколько я понимаю, после ликвидации аварии «Эллипс» работает устойчиво, никаких сбоев и неполадок? — задаю я риторический

вопрос.

— Да вроде бы нет. Так, по мелочам кое-что… — лениво отвечает Пеночкин, откровенно зевает и смотрит на свои «Касио». — Так медленно время ночью идет… Еле тащится.

Я верчу на указательном пальце колечко с ключами.

— Ну что же, будем считать результаты проверки удовлетворительными. Аппаратные средства я проверил еще днем. А завтра хочу подскочить на «Комету». Не знаешь, у них большой «вэцэ»?

— Да нет, вроде нашего. Ни тебе «Крэев», ни «Айбиэмок», ни «Хитачи».

— Ну, не прибедняйся. У вас еще и «Нейроны» есть, аж четыре!

— Были и мы рысаками когда-то.

Ключи срываются с моего пальца и падают на пол, точнехонько за терминал Пеночкина.

— А сейчас они что, не работают? — спрашиваю я, наклоняясь. Второй «стукач» мгновенно прилипает к задней стенке, а первый исчезает в рукаве моего пиджака

— Тебя это, наверное, очень удивит, но — работают! Правда, загрузка у них маловата. В силу специфичности.

— Да, это не «Крэи», — охотно соглашаюсь я, поворачиваясь к Пеночкину боком и опуская портсигарчик «стукача» в карман. — Ну, ладно, счастливого дежурства! Да, кстати, а почему ты один? Это же грубейшее нарушение техники безопасности!

— У напарника срочные дела объявились. Ничего, я аккуратненько, в цепи питания не лезу, кожухи не открываю.

— Все равно. А если сердечный приступ? Или заснешь ненароком, а тут — пожар?

— Не засну, я привычный. И на здоровье пока, тьфу-тьфу-тьфу, не жалуюсь. Ты это… не закладывай нас Евдокии Петровне, ладно? Ну, приспичило человеку…

— Ладно, — великодушно соглашаюсь я. — Хотя это и не дело. Я в «Спутнике» остановился, если как-нибудь позвонишь — буду рад встрече. Поболтаем, молодость вспомним. Там, кстати, и ресторанчик неплохой.

— Я бы пригласил тебя к себе, но у меня сейчас… В общем, не получается. Извини. Ты еще долго у нас пробудешь?

— Дня три-четыре. Остальные узлы «Эллипса» проинспектирую — и домой, к жене-детям. Ты мне все-таки дай свой адресок. Вдруг твоя помощь срочно понадобится…

Безотказный «петушок» заглатывает очередную порцию информации. Тепло попрощавшись с Петей, я сбегаю на первый этаж и, поводив пропуском перед полусонными глазами вахтера,

выхожу на тихую ночную улицу. Пройдя десяток шагов, поворачиваюсь спиной к несуществующему ветру и закуриваю. Молниеносный взгляд на освещенные окна ВЦ… Так я и думал. За длинными желтыми портьерами маячит неясная тень. Петя, видимо, хотел помахать мне на прощание рукой, но забыл отдернуть занавеску.

Неторопливой походкой свернув за угол, я — только что не с низкого старта — мчусь к «вольвочке». Плюхнувшись на переднее сиденье, хватаю с заднего кейс со «Спутником» и лихорадочно подключаю его к автомобильной сети. Теперь — подсоединить «стукача» и отыскать во втором кейсе дискету с нужной программой. Быстрее, быстрее… Сердце колотится так, словно я не в уютном кресле «вольвочки» сижу, а бегу по мокрым опавшим листьям в осеннем лесу, рискуя при каждом следующем шаге упасть и свернуть себе шею. В руке у меня — «вертикалка», а впереди слышен заливистый лай собак. Хотя нет, по-другому. Как будто я пришпориваю закованного в броню коня и медленно опускаю длинное тяжелое копье, а впереди… На дисплее «персоналки» наконец высвечивается текст.

(23.55) при этом считается, что > проблема < >> вопрос << экспериментальные результаты в ближайшие годы > проверен < получены быть не > может < могут вследствие непомерно большого числа > многовходовых логи< нейроноподобных логических (23.56) элементов, требующихся, по мнению большинства авторов, для >адекват< эмпирической проверки (порядка 1010 4) и (23.57) еще большего числа связей между ними (до 1015 по оценкам авторов работ [5,6]) (23.58)

Ага, «Спутник» выдал не только окончательный вариант, но и зачеркнутые Петей слова. А также — в круглых скобках — текущее время. Ну, Пеночкин, положим, не Пушкин, так что изучать ход его гениальной мысли мне ни к чему. Это мы исправим легко, одним-единственным нажатием клавиши. А вот время… Время, пожалуй, оставим. И вот что любопытно: за две минуты до полуночи Петя прекратил работу над статьей, набрал код входа в систему и ввел в нее то ли программу, то ли сообщение, то ли черт знает что в виде последовательности чисел:

42.83.17.61.21.84.60.11.62.90.00.89.58.62.38.53.19.46.90.45.73.36.63

Введя в систему эту абракадабру, Пеночкин снова вывел на дисплей только что прочитанный мною текст и продолжил работу над статьей:

(00.06) Нам эти оценки по причинам, подробно рассмотренным в работе [7], представляются весьма завышенными. Кроме (00.07) того, за счет значительного отличия

скорости обмена информацией (00.08) в моделируемом (00.09) (00.10) «объекте» (00.11) и в современных локальных компьютерных сетях, достигающего четырех-шести порядков, возможно значительное уменьшение требуемого числа физических каналов обмена. Принципы создания пакета прикладных программ (ППП), позволяющего на практике реализовать указанную редукцию, рассмотрены нами ранее в работе [8].

На этом текст обрывался. Видимо, именно в этот момент Пеночкин закинул руки за голову да так и сидел, пока я к нему не подошел. Обдумывал следующий перл своей статьи. К сожалению, из перехваченного текста трудно понять, какой же именно «объект» он собирался моделировать. И почему это слово заключено в кавычки? Продумал он над ним, кстати, почти четыре минуты. М-да. Можно, конечно, поразмышлять над всем этим и даже догадаться со временем, что именно он там собрался моделировать, но для решения загадки вируса ведьм я новых данных не получил. Вот если бы удалось прояснить назначение той цифири, которую Пеночкин запулил в «Эллипс» как раз накануне полуночи… Но выборка слишком короткая, и — ни единой зацепки. Ни адреса получателя, ни какого-нибудь служебного знака… Может, второй «стукач» выловит что-нибудь более существенное?

Отключив «Спутник» от аккумуляторов «вольвочки» (хорошая «персоналка», но уж больно прожорлива!) и ругая себя за то, что позволил Грише и Юрику спать в такое горячее время, я вывожу на дисплейчик «петушка» номер телефона ГИВЦа и, сорвав трубку с радиотелефона, лихорадочно нажимаю нужные кнопки.

— Аллееууу! — отвечает приятный баритон.

— Эй, орлы, что у вас там с обменом? «Эллипс» опять впал в прострацию? У меня что-то задачка не идет.

— Дык начало первого же! У «Эллипса» в это время — сексуальный час. Ты что, первый раз замужем? — ехидничает мой собеседник. Фу-ты, грубиян!

— А во сколько он начался, не засекли? Никак не пойму, прошла моя задачка или нет.

— Минут пять назад. Не по расписанию сегодня. А ты чей будешь, сынок? Что-то мне твой тенорок незнаком… Не с «Кометы» случаем?

— С Луны я, с Луны. Только вчера свалился, — отвечаю я и аккуратно кладу трубку. Ну что же, на ловца и зверь бежит. Охотнику, впрочем, тоже не годится стоять на месте.

— Ключи от дома забыл, — объясняю я на ходу встрепенувшемуся вахтеру и через ступеньку взбегаю на третий этаж. Но перед самой дверью останавливаюсь и делаю пять дыхательных циклов по особой методике: вдох короткий, выдох длинный, чтобы снять излишнее возбуждение.

Кодовый замок, как я и ожидал, с предохранителя снят. А если еще и нижний закрыт на ключ? Отмычки в арсенале охотника на вирусов не предусмотрены… Если так — ударом «сезам» устранить препятствие — и бегом в машзал, не давая опомниться…

Дверь, однако, легко открывается. Эх ты, конспиратор, даже код не изменил… Быстро и бесшумно я прохожу коридорчик, заглядываю в машзал… И вижу то, что ожидал увидеть. Все светодиоды «перегрузка» полыхают отчаянным малиновым светом. Прекрасно. Теперь — в операторскую. На секунду приостановившись, чтобы расстегнуть кобуру инъектора.

Вот так, милая Элли, вот так. Работа у меня такая. Нужно быть ко всему готовым. Жаль, что ты сейчас меня не видишь. Тебе должны нравиться мужчины, способные проявлять решительность в сложной обстановке. Они всем женщинам нравятся. Потому что и сами вы для нас — сложная обстановка. В первую ночь, по крайней мере.

Открыв дверь в операторскую, я вдруг слышу женский голос. Очень похожий, кстати, на голос Элли. Слов из-за шума вентиляции я разобрать не могу и от неожиданности останавливаюсь, забыв придержать дверь. Она громко хлопает. Пеночкин резко оглядывается и начинает лихорадочно набирать на клавиатуре «Нестора» какую-то программу. Да еще, кажется, бормочет себе под нос ругательства. Жаль, что «стукач» их не зафиксирует.

Я медленно иду к Пете, вперив глаза в пол. Не забывая, впрочем, время от времени поглядывать на его дисплей. Не слишком ли быстро я приближаюсь? Успеет ли он продиктовать «стукачу» все свои секреты? В момент, когда текст исчезает, словно стертый невидимой тряпкой, я лениво смотрю на дисплейчик «петушка», засекая время.

— Ты чего вернулся? — спокойно спрашивает Пеночкин.

— Ключи от машины где-то оставил. От квартиры в кармане, а от средства передвижения — увы! Тебе под руку не попадались?

— Ни под руку, ни под ногу. Может, ты их в дисплейном классе забыл?

— Там я уже смотрел.

Миновав столик с «Нестором», я наклоняюсь, срываю с задней стенки «Нестора» «стукача» и радостно объявляю:

— Да вот же они! Видать, сорвались с общего кольца, пока я их на пальце крутил.

А теперь, когда «стукач» занял свое место в боковом кармане пиджака, можно задать вопрос «в лоб».

— Слушай, Петя, я уже тебя спрашивал… По дороге сюда я заглянул в машзал, и мне показалось странным…

— А, ты вот что имел в виду! — широко улыбается Пеночкин. — Было дело, было! Временами систему обмена так лихорадило, что я боялся, оптические кабели расплавятся!

— А теперь что? Не лихорадит?

— Нет! — торжественно объявляет Петя. — Десять

минут назад я наконец-то выяснил, в чем корень зла. Оказывается, у меня была одна весьма нетривиальная ошибочка в протоколах обмена. Два месяца я пытался ее найти — и только сегодня понял что к чему.

Возможно, все так и есть. Хорошо бы. Гора с плеч — гораздо приятнее, чем голова с того же самого места. Не следовало все-таки умножать число сущностей сверх необходимого. Но радоваться вместе с Петей я не спешу. Профессиональная привычка. Да и непонятные числа, запущенные триумфатором в «Эллипс» за минуту до приступа, меня все-таки беспокоят.

— А в чем она заключалась, ты не мог бы пояснить? Показать, так сказать, на пальцах?

— В принципе… Отчего же… — усиленно мигает Петя. — Объяснить в двух словах или показать на трех пальцах, конечно, можно. Но нужно ли? Ошибка исправлена, в «Неводе» все равно совсем другая система обмена… Давай не будем, Ладно?

Значит, обиделся-таки. А сразу виду не подал…

— Да не могу я отсрочить его запуск, не могу! Я — всего лишь мелкий клерк в Управлении, и не в моих силах… — начинаю я было утешать Петю и, словно споткнувшись, замолкаю на середине фразы. До меня, наконец, доходит, какую фигуру он мог бы показать мне на трех пальцах.

Пеночкин, уперев ладони в бедра и широко расставив локти, смотрит на меня своими близорукими глазами, чистыми и невинными, и я начинаю сомневаться, правильно ли…

— Ты тоже не обижайся, — расставляет он точки над «и». — Я собираюсь патент взять на бесконфликтную систему обмена. И до поры — до времени мне не хотелось бы… разглашать…

Чтоб тебя! Значит, я все понял правильно. Да кто ты такой, подшучивать надо мной?

— Что же ты не доложил по инстанциям, как положено? И даже в журнале дежурного ни единой отметки не сделал! Нехорошо! — упрекаю я Петю.

— Победителей не судят! — ухмыляется он, нагло подмигивая и нахально закидывая руки за голову.

— Еще как судят! Завтра же напишешь объяснительную на имя начальника Управления. По журналам соседних «вэцэ» мы выясним, сколько «Эллипс» простоял по твоей милости, и предложим возместить ущерб!

Руки Пеночкина медленно сползают на колени, лицо вытягивается. Еще раньше с лица слетает игривая улыбка — словно фуражка с головы дуэлянта, сбитая метким выстрелом.

— Ладно, не злись. Сам виноват. Прикатил из столицы на роскошном авто, с какими-то особыми полномочиями, и начал тут выставляться перед провинциалами. Конечно, нам тоже хочется показать, что и мы не лаптем щи хлебаем. Нормальная защитная реакция… Я — честное слово! — не могу пока ничего тебе объяснить. И по каким причинам не могу — тоже не хочу говорить. Я все понял, «Невод» должен быть, кровь из носу, запущен в заданный срок, и ничего с этим не поделаешь. Придется отложить мою задачку до лучших времен… Давай лучше чайку отопьем, а? У меня есть полпачки китайского с жасмином…

— Спасибо, не хочется. Я лучше поеду в гостиницу да отосплюсь. Собачья работа… Так ты уверен, что сбоев больше не будет?

— Абсолютно. Если где и будет отказ, то не из-за ошибки в протоколе обмена!

— Ну ладно. Тогда я пошел. Извини, но третья бессонная ночь подряд… Еле на ногах стою!

На этот раз мы прощаемся гораздо холоднее, чем накануне. Вот уже не думал, что Пеночкин так завистлив…

Я медленно еду по ночным улицам в сторону центра. Свет фар выхватывает из темноты то обшарпанный газетный киоск, то безумные глаза кошки, которая гуляет сама по себе. Плавная музыка, плавное движение машины… Хорошо. Я люблю эти минуты, когда трудная работа закончена и можно немного расслабиться. М-да… Петя Пеночкин… Задал ты нам хлопот. И это оскорбительное недоверие… А ведь объяснительную тебе

писать все равно придется. С подробным изложением сделанной ошибки. «Невод» — это тебе не бреденек, лягушек в пруду пугать. В его ячейках ни одной темной клеточки быть не должно. Придумал что-то толковое — получишь и патент, и премию. Я не злопамятен. Ну, а ежели виноват — вот вам счет! Тоже получишь все, что полагается.

В гостинице, сняв пиджак и скинув туфли, я включаю в розетку «Спутник» и подключаю к нему второго «стукача». Посмотрим, посмотрим, что там за ошибка была и как Петя ее устранил. Если он работал на своем терминале, конечно, а не уходил куда подальше.

В дисплейный класс, например. Чувствительность приборчика мизерная, зато избирательность отличная. Но иначе бы он не смог работать при таком уровне помех.

Чтобы лечь спать со спокойной совестью, я должен убедиться: все, что сказал Пеночкин, соответствует действительности. Вот это, наверное, и есть профессионализм. Когда не упускается ни единая возможность. И когда никому не веришь на слово, даже бывшему однокурснику. Не потому, что в каждом подозреваешь вирусогена. Просто в порядке защиты от возможного непрофессионализма коллег.

Наконец, на жидкокристаллическом дисплее начинают появляться цифры, словно написанные рукой виртуозного каллиграфа:

98.01.42.01.16.90.09.14.84.87.92.76.76.52.66.75.92.54.84.14.40.04.16
63.52.61.

Я ошалело смотрю на дисплей. Ничего себе корректировка протоколов обмена! То-то я удивился, что ему так быстро удалось справиться. Больше всего это похоже на шифровку. «Сезам, закройся. Верблюд идет на восток. Али-баба». Или: «Инспектор Полиномов становится опасным. Ликвидировать немедленно. Крёстный».

А дальше — пустые строчки. Одна, другая… десятая… Проклятие! Пеночкин все-таки догадался, что я не рядовой инспектор и не любопытства ради кручусь возле его «Нестора». Что он сделал? Перешел в дисплейный класс? Снял «стукача» с задней стенки, а перед самым моим приходом поставил на место? Нет, нет… Я ведь вернулся неожиданно для него. Недаром он так задергался. Тогда почему дисплей пуст? Сорок первая, сорок вторая…

М-да. На чем-то я прокололся. И самое скверное — не понимаю, на чем. Да еще и так глупо засветился в конце… Понадеялся на «стукача», решил, что уже шах и мат. Восемьдесят шестая, восемьдесят седьмая…

Теоретически все было сделано правильно. Я «ушел» и развязал Пете руки — только для того, разумеется, чтобы тщательно пронаблюдать, что он станет ими делать.

И он действительно затеял какую-то возню. И приступ с «Эллипсом» имел место, к тому же вне расписания, и какие-то числа попали на мой дисплей. А потом, как и замышлялось, я поймал Пеночкина «на горячем». По всем канонам он должен был запаниковать и наделать глупостей. Которые должен был аккуратненько зафиксировать «стукач». И у него ведь действительно руки тряслись. А вот насчет глупостей… Где же они? Кассета на исходе, а экран чист. Неужели приборчик отказал? Да нет, он бы просигнализировал о неисправности…

Вот оно!

Я подскакиваю на стуле и впиваюсь глазами в экран. 42.83.17.61.21.84.60.11.62.90.00.89.58.62.38.53.19.46.90.45.73.36.63.28.2

А дальше — опять пустые строчки. Дождавшись конца микрокассеты, я смотрю на часы. Да, в это время я уже стоял за спиной у Пеночкина. Именно эти цифры он и нажимал поспешно на клавиатуре. И это — вся полученная мною информации? После чего я «засветился», а Петя сказал, что приступов больше не будет?

Я вскакиваю со стула и начинаю ходить по диагонали комнаты. Три метра туда, три обратно…

В том, что у Пеночкина рыльце в пушку, — сомнений больше нет. Но это — единственный результат, полученный нами за двое суток работы. Если не считать трех шифрограмм, очень коротких и потому практически недешифруемых. А что происходит в «Эллипсе» во время приступов? Куда сбрасывалась информация, пока мой «стукач» ловил пустоту на дисплее Пеночкина? Вряд ли теперь мы это узнаем. Вирусоген затаился, предварительно уничтожив следы. Ищи теперь ветра в поле…

Я ложусь ничком на кровать, не раздевшись и даже не сбросив тапочек. Так что будем делать, рыцарь печального образа? Дракон исчез, надев шапку-невидимку и оставив после себя только смрадное воспоминание.

Работать я буду, вот что. Это — самое надежное средство от неудач. Работать, пока или не свалюсь замертво, или не рассею злые чары.

Рывком соскочив с кровати, я бросаюсь к чемодану и достаю из него предмет ненависти администраторов всех гостиниц — кипятильничек. И пару аэрофлотовских пакетиков растворимого кофе. Приходится нарушать. Но кто бы помог мне взбодриться в четвертом часу утра? Разве что Элли… Прекрасная Дама, не пожелавшая отереть кровь и пот с чела поверженного рыцаря. Что

делать… Они благосклонны лишь к победителям…

Прихлебывая ароматную густо-коричневую жидкость, я пересчитываю цифры в сообщениях. В первом их 76, во втором 78, в третьем тоже 76. Четные числа. Логично предположить, что каждым двум цифрам соответствует одна буква. Или какой-то другой символ. Тогда букв в сообщениях соответственно 38, 39 и 38.

Странно, что в двух сообщениях одинаковые количества букв. Вероятность такого совпадения невелика. Если только…

Сравнив цифры в первом и третьем сообщениях, я чуть не падаю со стула. Это называется — вышибли из седла. Только-только я на него вскарабкался…

Значит, шифровок было всего лишь две. Но первую Петя зачем-то повторил дважды. И количество знаков, имеющихся в моем распоряжении — на треть меньше…

Я смотрю на шесть строк с цифрами, и какое-то новое смутное чувство возникает во мне. Не то тревоги, не то радости… А вернее, оба чувства одновременно. Хотя так и не бывает.

Итого в двух, как выяснилось, сообщениях 77 знаков. Включая пробел между словами. Не густо…

Сделав большой глоток оставшегося кофе, я откидываюсь на спинку стула. В памяти вдруг всплывает: квартира с высокими потолками в доме на центральной улице маленького городка, с одной стороны у него 4, с другой 5 этажей; две смешливые девчонки, две закадычные подружки, живущие в нашем подъезде… Да-да, о них, хоть они и были девчонками, вполне можно было так сказать: закадычные. Исключение, которое проверяет правило. Никогда они не ссорились, не ябедничали и, что совсем уж невероятно, ни в чем друг дружке не завидовали. Я с ними, как говорится, «водился». Было нам тогда лет по 12–13. Мы как раз прочли «Пляшущих человечков» и начали обмениваться шифрованными записками. Разгадывать их, не зная ключа, — увлекательнейшее занятие! И, как мне тогда казалось, чрезвычайно серьезное. Наверное, потому, что в этих девочек я был по уши влюблен. Вначале в одну, потом в другую. Вторая, правда, так никогда и не узнала об этом…

Мне вдруг неудержимо хочется курить. Делать этого нельзя, я на два часа утрачу свою уникальную способность засыпать в любое заданное время, и все-таки я открываю пачку «Мальборо».

Так вот откуда это горько-сладкое чувство… Первая любовь. Ни разу больше это чувство не повторялось. Ни когда за своей будущей женой ухаживал, ни когда диссертацию защитил, ни даже когда сын родился. Все было прекрасно, я бывал на седьмом небе от счастья, но — совсем по-другому. Не повторялась больше

щемящая радость. Только — телячья…

Из открытой форточки веет сыростью и прохладой.

Тусклые фонари, два освещенных окна в доме напротив… Может быть, для того судьба и послала меня в этот город, так похожий на тот, город детства, чтобы хоть на мгновение вернуть это дивное чувство? Чтобы я мог остановиться, оглянуться… Говорят, в такие минуты люди молодеют…

Стоп, стоп. Не расслабляться. Как-нибудь на досуге я вновь попробую погрузиться в воспоминания, но не сейчас. Времени у меня в запасе — четверо суток с хвостиком. Да еще обратная дорога…

Погасив сигарету и двумя большими глотками допив кофе, я вновь приникаю к дисплею. Итак, 77 символов. Попробовать, что ли? Впасть в детство? Расшифровывать записки было не так уж сложно. В начале текста стояло мое имя в той или иной форме, в конце — имя корреспондентки. Вот несколько букв уже и есть. Чаще всего в русском языке встречается буква «е», чуть реже, кажется, «о». Или «к»? Уже не помню. Статистику мы набирали сами, по томику того же Конан Дойла. Были еще закономерности. Какие-то буквы чаще встречаются в конце слов, какие-то — не встречаются в начале… «Ы», например… И так далее. Конечно, профессиональные шифры намного сложнее. За них я браться не стал бы. Но вряд ли Пеночкин использовал что-то слишком сложное. Прежде всего я должен выяснить, каким символом обозначается пробел между словами. Потом — попытаться угадать имя адресата. Например, «Элли»…

От этой мысли я улыбаюсь. Петя и Элли… Невозможно. Несопоставимо.

Ну что же, сейчас мы легко проверим, насколько профессионально Петя выбрал шифр.

Набросав коротенькую программку, я с разочарованием выясняю, что в обоих сообщениях задействовано целых пятьдесят знаков, из них в первом двадцать семь, во втором — тридцать один. А встречаются и там и там — только восемь. Видимо, шифр у каждого сообщения свой. А одна и та же буква может обозначаться разными комбинациями цифр. Это значит, что даже мощное программное обеспечение, имеющееся у дешифровщиков Управления, вряд ли мне поможет. Слишком малы выборки. И даже язык неизвестен. Хотя… Не мумбу-юмбу же…

Сполоснув стакан и спрятав кипятильничек на дно чемодана, я разбираю постель. Утро вечера мудренее. Кажется, ни кофе, ни сигарета не помешают мне сейчас крепко заснуть…

В семь сорок пять утра я просыпаюсь от настойчивого стука в дверь. Это Юрик. С расшифровкой изображений у него ничего

вчера не получилось, и он пришел посоветоваться или получить новые инструкции.

— Ты вчера во сколько с ГИВЦа ушел? — ласково спрашиваю я, не предлагая ему сесть.

— В начале восьмого вечера, — осторожно отвечает Юрик. — Проверил десяток вариантов, но ничего осмысленного на дисплее пока не увидел.

— А я с «Микротехнологии» — в четыре часа утра, уже сегодня! — кричу вдруг я, старательно брызгая на Юрика слюной. — Тебе сроки известны?

— Да… Осталось четыре дня…

— Это всего четыре дня. А у тебя времени — ровно сутки. Завтра утром, в это же время, я должен увидеть расшифрованные тобой картинки. Исполняйте! — приказываю я и круто поворачиваюсь к собеседнику спиной. Как будто не босиком и в одних трусах перед ним стою, а в хромовых сапогах и при портупее. Юрик исчезает. Удостоверившись, что табличка с надписью «Не беспокоить!» по-прежнему висит на наружной ручке двери, я ложусь досыпать. Видно, моя судьба — быть большим начальником. Кричать на подчиненных, ни на йоту не убыстряя стука сердца, я уже научился. А все остальное по сравнению с этим — дело наживное.

С Гришей мы встречаемся ровно в полдень в гостиничном буфете. Поглощая бутерброд с засохшим ломтиком сыра, он лаконично сообщает, что все его попытки обнаружить вирус ни к чему не привели.

— Только знаешь, что я заметил, — говорит Гриша, тщательно выбирая из бороды крошки. — И на «Комете», и в ГИВЦе, и на аккумуляторном в машзалах стоят «Нейроны» и «Цефалы».

— Ну и что? На «Микротехнологии» нейрокомпьютеров аж четыре. Но в состав «Эллипса» они, как следует из документации, не включены. Понаделали их в свое время… Приспосабливать под них протоколы обмена неудобно, использование компьютеров любого типа вне сетей, как ясно уже всем, совершенно нерационально… Вот и ржавеют эти головастики…

— Не совсем так. Во время последнего приступа «Цефалы» на «Комете» перегревались точно так же, как и остальные машины.

А вот это уже любопытно. Чрезвычайно любопытно. Так что, товарищ директор, уважаемый Михаил Олегович, в описание «Эллипса» и более серьезные изменения не внесены, не только разрыв «кольца»? Давно я с вами собираюсь побеседовать, да все недосуг. Или вы не в курсе и все делалось за вашей спиной? Тем более виноваты…

— Но в их память наши вирус-детекторы…

— Не проникают. Совершенно другая архитектура. Потому мы и не вылавливаем ничего.

— Вот что… — тут же принимаю я решение. — У Юрика там ничего не получается с расшифровкой картинок. И не надо. Не очень-то и хотелось. Отложим на потом. Бери его в помощь, и попробуйте влезть в головы этих «Цефалов», — говорю я, улыбкой подтверждая, что тавтология моих слов не случайна. — Чтобы в следующий приступ мы могли подсмотреть, какая информация в них крутится и куда потом сбрасывается. Но вначале, конечно, надо разобраться, как они умудрились подключить их к «Эллипсу».

Гриша озадаченно трет лысину.

— Трудная задачка, шеф. Я бы сказал…

— Практически неразрешимая, — охотно соглашаюсь я. — Но лучшего плана действий у меня нет. Есть другие предложения?

О том, что приступа может и не быть, я, естественно, умалчиваю. Подчиненные не должны знать об ошибках начальства.

— Нет.

— Тогда приступай.

Вернувшись в свой номер, я включаю «Спутник» и снова таращусь на загадочные цифры. Как баран на новые ворота. Быть или не быть? Посылать дешифровщикам из Управления или не посылать? Кто его знает, что в этих шифровках… А может, первомайский лозунг «Реконструкцию экономики — в четыре года!»… Или рецепт яичницы с луком. А еще вариант — любовная записка программистке, работающей в другую смену… Вот будет повод для зубоскальства в Управлении! Расшифровывали уже ребята из сектора Кривопалова и рецепты, и даже новейший метод контрацепции один раз им попался. Весьма удобный, кстати. Я и Биту ему обучил, и жену…

Ладно. Хватит киснуть. Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

Стряхнув оцепенение, я набираю на клавиатуре:

«Управление компьютерных сетей. Кривопалову.

Прошу расшифровать прилагаемые сообщения. Предположения о характере текстов и возможных адресатах отсутствуют. Степень важности: первая. Степень срочности первая. Количество сообщений: два.

Приложение. Сообщение номер один: 98.01.42.01… Сообщение номер два: 42.83.17.61…

Получатель: П. Полиномов. Адрес… телефон…»

Проверив, нет ли ошибки в цифрах, я вставляю в гнездо

дискету с шифратором и через несколько секунд вижу на дисплее бессмысленный набор чисел. Забавно будет, если кто-то перехватит и попытается расшифровать мой текст. Уж он-то закодирован профессионально. Но если произойдет чудо и какому-то гению вдруг удастся… А внутри — еще одна шифровка!

Минут пять уходит на препирательства с дежурной по поводу срочного звонка в Москву. Наконец, в трубке звучит нежный голос нашей Танечки

— Управление сетей. Слушаю вас.

— Это Полиномов. Примите весьма существенное сообщение, — прошу я, укладывая трубку в специальный паз на панели «Спутника». «Весьма существенное» — означает «шифрованное». Услышав эти магические слова, Танечка должна тут же нажать на соответствующую клавишу своего мощного терминала. Через пару минут она прочтет сопроводиловку, наберет код группы Кривопалова и передаст шифровку на его терминал. Еще через пять минут дежурный оператор введет загадочные цифры в «Эльбрус-6», поставит оптический диск с нужным программным обеспечением — и пойдет работа… Статистический анализ, подбор вариантов, проверка их на осмысленность — на шести языках, между прочим! — уточнение модели… Уже через сутки я получу предварительный результат. Положительный или, скорее всего, отрицательный. Слишком уж нерепрезентативны выборки. А пока…

От долгого смотрения на дисплей, на котором в серой патоке фона черными муравьями застряли загадочные цифры, они начинают казаться мне чем-то знакомыми. Словно бы я их где-то уже видел. 42.83.17.61.21.84… Может, среди них скрыт номер моего дома? Или год рождения? Или, наконец, номер телефона столь же темпераментной, сколь и застенчивой Виты? Кажется, я уже немножко соскучился по ней…

Я отключаю «Спутник» от сети, и в момент, когда цифры исчезают с дисплея, вдруг вспоминаю, где я — совсем недавно! — видел нечто подобное. Вот так же, словно стертые невидимой тряпкой, исчезали цифры, вот так же я озадаченно смотрел на дисплей. Только был он не серым, а почти черным, цифры же — ярко-зеленые. Ну конечно! Какие-то числа мельтешили на дисплее у Элли, когда она, резко повернувшись, нажала клавишу сброса. Только и всего… Фокус человеческой памяти, которую мы знаем куда хуже, нежели компьютерную.

Опустив экран и захлопнув крышку «Спутника», я встаю со стула и медленно, со вкусом разминаю мышцы рук, потом ног. Жребий брошен, Рубикон перейден. Ну, а мне-то что сейчас

делать? Поехать на очередной узел «Эллипса» и снова, словно соколов с руки, поднимать над полями его памяти вирус-детекторы? Бессмысленно.

Вирус ведьм прячется, скорее всего, в чревах нейрокомпьютеров. А я в них плохо разбираюсь. Они так редко используются в составе сетей, что опыта у меня — кот наплакал. Кое-какое программное обеспечение, конечно, есть. Но вряд ли оно поможет. Мы, насколько я понимаю, столкнулись с чем-то принципиально новым. Совать же голову в пасть зверю, не зная наверняка, лев это или кролик… а точнее, крокодил… Я недаром Гришу и Юрика вдвоем послал. Подходить сейчас к «Нейрону» в одиночку — самоубийство. Так, может, и мне к ним присоединиться?

Я снова начинаю расхаживать по диагонали гостиничного номера. Словно последняя дамка в полупроигранной шашечной партии. Хоть бы вничью удалось свести…

Нет. Наша команда проигрывает, но время заменять вратаря полевым игроком еще не пришло. Гриша прав, разобраться в связях «Цефалов» и «Нейронов» с «Эллипсом» — задача не одного дня и даже не одной недели. И поставил я ее только потому, что ничего лучшего не смог придумать. Нет у меня идей, нет. Вот если бы удалось расшифровать сообщения… Если, конечно, это сообщения. А не машинная команда, инициирующая пробуждение вируса ведьм. Вируса совершенно нового типа. Выполненного по технологии «стеле». Видно, не одни мы готовимся к запуску «Невода». Те, кто руководят Петей, тоже спешат. Цель? Компьютерный рэкет. В самый ответственный момент, когда от бесперебойной работы гиперсети начнут зависеть стратегические интересы государства, будет устроена предупредительная «забастовка», чтобы продемонстрировать силу и неуязвимость вирусогенов, и поставлены жесткие условия и еще более жесткие сроки для их выполнения. И тогда…

По моей спине пробегает табунок мурашек. Что же делать? Делать-то что?

Выжечь здесь надо все, вот что. Пройти огнем и мечом. Стереть все диски, разорвать все связи. Устроить чумное кладбище. А все эти «Эльбрусы», «Цефалы» и «Нейроны» — под пресс, под пресс!

Присев к столу, я снова включаю «Спутник», вывожу на экран ненавистные цифры и тупо смотрю на них минуту, вторую… Так где я их видел? Ах да, на дисплее у Элли. Не их, конечно, а нечто подобное.

Или все-таки те же самые?

Подпрыгнув вместе со стулом, я лихорадочно нажимаю

крохотные кнопочки на клавиатуре «петушка». Я ведь успел тогда что-то записать… Вот оно: 42.83.17.61.21.84.60.11. Так и есть. Часть «шифровки» Пеночкина. И вскоре после того, как Элли набрала ее на своей клавиатуре, начался шабаш ведьм. А Петя в ту ночь, кстати, не работал!

Я чувствую, как мой лоб покрывается испариной. Потерянный было след вновь найден! И — отнюдь не сказочный — дракон совсем близко. До меня уже доносится горячее дыхание его голов. Оттого и лоб вспотел…

Итак, эта последовательность цифр, введенная в «Эллипс», блуждает в нем невостребованной, пока не достигает одного из нелегально подключенных к кольцу «Цефалов». Она и только она способна преодолеть заслоны, от которых благополучненько отражались все наши вирус-детекторы, включая демон «биллиардный шар», искусно запущенный Гришей… После чего из «Цефала», как джинн из бутылки, выползает гигантская программа-паразит, парализующая работу сети. А потом, через заданное время, убирается обратно в свое логово…

Я вдруг замечаю, какая духотища в комнате. И открытая форточка не помогает. А окна уже заклеены на зиму… Введя в память «петушка» обе комбинации цифр и набросив плащ, я выскакиваю из гостиницы. Свежий воздух приятно холодит лицо.

Кажется, в моих рассуждениях есть какой-то изъян. Какой? Может быть, не все ясно со второй последовательностью чисел? Но ничего странного в ее появлении нет. Для активации вируса нужны оба набора цифр, введенные с некоторым промежутком времени. Защита от случайных свидетелей. И если какой-то не в меру любопытный коллега, незаметно встав за спиной, подсмотрит загадочные числа на дисплее у Элли…

Элли. Вот что меня тревожит. Элли. Мне неприятно знать, что она как-то замешана в этой истории. И, когда все откроется, будет наказана вместе с остальными. Кто еще входит в эту шайку-лейку? Директор ГИВЦа — вне всяких сомнений! То-то он так любезен, так старался понравиться. И кому? Всего-навсего ведущему инспектору Управления. Потому что от меня многое зависит. Очень многое. И как только они поймут, что я напал на след… М-да. Инъектор — слабая защита. И важно не пропустить момент, вовремя привлечь к работе немножко лучше вооруженных товарищей.

Перед радиатором «вольвочки» суетится стайка воробьев. Чирикают о чем-то своем, волнуются… Мне бы ваши заботы.

Значит, Элли. Жаль девушку. Что же ты так неосторожна? Видишь: появился незнакомый инспектор, да еще, как подсказали добрые люди, с особыми полномочиями… Ну так затаись,

пережди опасность! Никто бы тебя, я уверен, потом не выдал. А теперь…

«Вольвочка» плавно трогается с места. Из-под колес серыми брызгами разлетаются воробьи.

А ведь Элли опоздала в тот вечер. И успела набрать только первую часть вызова. Почти сразу же после этого начался приступ. Вот в чем неувязка, вот что меня беспокоило… Более того, и первую-то последовательность она до конца не сформировала. Я помешал. Потому она так и рассердилась… А пятью минутами раньше не смогла кому-то дозвониться по телефону и тоже гневалась. Хотел бы я знать, кому она все-таки так поздно звонила. И почему приступы всегда начинаются в полночь. И почему Петя, зная, что я сижу за стенкой, в дисплейном классе, все-таки инициировал паразитную программу…

Я торможу так резко, что чуть было не срабатывают ремни безопасности. Хорошо, что незнакомая улочка в тот час пустынна. А то было бы сейчас…

Откинувшись на спинку удобного кресла и полуприкрыв глаза, я блаженно улыбаюсь. Все так просто… Гриша прав: самый опасный для вирусогена момент — ввод паразитной программы в систему. И чтобы понапрасну не рисковать, Петя и компания препоручили обязанность кремлевским курантам. Ровно в полночь, в двенадцать часов… Если до того времени не поступает, конечно, команда на запрет. Та самая, первая последовательность цифр, которую не успела набрать Элли. И которую я не помешал ввести Пете.

Это и есть команда «на место!» Заслышав ее, дракон не смеет высунуть нос из своего логова. Или убирается восвояси. Что и произошло, когда я неожиданно для Пеночкина вернулся.

Ну что же, неплохо. Я, правда, пока не знаю смысла и цели программы-вируса. Но это не помешает мне уничтожить ее.

Я стартую, словно участник ралли «Париж-Дакар», и через полчаса мы втроем, остановившись в пустынном переулке, обсуждаем новый план действий. Инструкции мои лаконичны и четки. К моменту следующего приступа Гриша и Юрик должны «врезаться» в каналы обмена «Нейронов» и «Цефалов» с «еэсками» и «Эльбрусами», сделать подробные распечатки и попытаться разобраться, что же все-таки происходит в «Эллипсе» в самые первые секунды шабаша.

— Да, сегодня сабантуй начнется не в полночь, как обычно, а в двадцать три двадцать, — сообщаю я мимоходом и, повернувшись к заднему сидению, любуюсь произведенным эффектом.

— А ты почем знаешь? — недоверчиво задирает бороду Гриша.

— Знакомая ведьма подсказала, — уклоняюсь я от ответа. Знай наших! Даром, что ли, я третью ночь не сплю?

Уточнив детали, мы расходимся по одному, словно мафиози, успешно разделившие сферы влияния.

Мне приходится потратить тридцать минут, прежде чем Евдокия Петровна, начальник ВЦ «Микротехнологии», понимает, чего я от нее хочу. И еще десять минут она уясняет, что обсуждение моих целей не входит в круг ее служебных обязанностей. Кончается все распиской, в которой я беру ответственность за все последствия на себя. Кажется, эта женщина совершенно искренне не подозревает, что творится здесь по ночам.

Двадцать два пятьдесят. Один за другим глохнут принтеры, замирают накопители, останавливаются дисководы. Уходят, повертевшись у зеркала, программистки, вслед за ними, насвистывая что-то веселое, инженер-электрик. Наконец, мы остаемся втроем: я и двое парней из третьей смены. Косо посмотрев в мою сторону, они покидают машзал. Молодец, Евдокия Петровна, не подвела. Я бы на месте этих ребят тоже косился. Приехал столичный фраер, собирается влезть со своей программой в сеть, да еще и без свидетелей… А зачем и по какому праву — никто не знает.

Включив терминал Пеночкина, я быстро набираю отработанную на «Спутнике» программу. Теперь — коротенький тестовый сигнал… Отлично. Можно начинать.

Поглядывая на дисплейчик «петушка», я ввожу в «Нестор» магические цифры: 98.01.42.01.16.90…

Интересно, почему последовательность именно такая? Просто набор случайных чисел?.. 46.94.63.52.61. Ну что же, у меня все готово. Текущее время 23.19.05. Через 55 секунд…

Ровно в двадцать три двадцать я нажимаю клавишу «Ввод». Дисковод моего «Спутника», подключенного по схеме «замочная скважина» к ближайшему «Эльбрусу», тут же приходит в движение. Один за другим вспыхивают светодиоды резервных каналов связи. Прекрасно! Если программа, разработанная Гришей и Юрой, сработает как надо, в нашем распоряжении сразу же…

— Здравствуй! — слышу я тихий женский голос. — Велел мне отключиться, а сам зовешь. Мы опять будем играть, да?

Я ошалело смотрю по сторонам. Говорит моя собеседница очень медленно, словно бы с трудом подбирая слова. Но голос… Этот тембр я ни с чьим другим не спутаю.

— Почему ты не отвечаешь? — капризно спрашивает Элли. И мне начинает казаться, что она говорит откуда-то из-под терминала. М-да… Ночные бдения даром не проходят. Вот уже и слуховые галлюцинации начались…

— Здравствуй, — неожиданно для самого себя отвечаю я и заглядываю под стол. Словно сумасшедший, осознавший свое сумасшествие, но не имеющий сил ему противиться. — А во что ты хочешь поиграть?

Хорошо, что я догадался выставить парней за дверь. А то сидел бы сейчас, как дурак…

— Ты забыл назвать мое имя, — голосом капризной девочки говорит моя собеседница. — Хочешь, чтобы я снова отключилась?

Выудив из-под терминала пару наушников «Амфитон», я надеваю гарнитуру на голову, и слышимость сразу улучшается. «Элли — наркоманка?» — обжигает меня мысль.

— Нет, Элли, не хочу. Давай встретимся сегодня. Нам нужно поговорить.

— Но мы ведь уже разговариваем! — говорит Элли после длинной паузы. Кажется, она не узнает моего голоса. Думает, что это… Пеночкин!

— Да, но… Я хочу видеть тебя, твои волосы, твою улыбку…

— Я тоже. Но у меня ведь нет лица. Ты обещал, что сделаешь, а сам не делаешь.

Косметику он ей обещал, что ли? Без нее некоторые красавицы действительно теряют лицо.

— Давай поиграем, а? — снова предлагает мне Элли. А там, на ГИВЦе, она мне показалась неглупой девушкой. Или это она с Пеночкиным дуреет от счастья? И что, вся катавасия с протоколами обмена — только ради того, чтобы они могли поболтать друг с другом? В рабочее время, чаще всего — ночью? Два идиота! Ночью общаться нужно в постели, а не на работе!

— Нет. Играть мы не будем. Через двадцать минут я жду вас у входа в ГИВЦ. Вам грозят крупные неприятности. И если ты не придешь, нам обоим будет плохо!

Неужели не удастся? Представляю: она сбегает с высокого крыльца, стуча вышедшими из моды каблучками, а внизу вместо Пети — я! Момент истины! Бабушка приехала! Тут бы она и раскололась. Вначале как соучастница, а потом, глядишь…

— Ты ведь знаешь, я не могу прийти, — грустно говорит, наконец, Элли. — А что такое неприятности?

— Это когда тебе становится больно, очень больно! Элли, ну пожалуйста! Выйди на крылечко!

— Что такое боль? Ты уже объяснял мне, но я так и не поняла. Разве может внутри меня быть что-то такое, чем я не могу

управлять?

— Конечно, может. Чувство голода, например. Или половой инстинкт. Или…

«Или ты без него обходишься?» — чуть было не срывается у меня с языка. Она что, йогиня? Или марсианка?

— Как ты сказал? Повтори! — требует Элли. Громко хлопает входная дверь. Мое время истекло.

— Элли, если ты через полчаса не придешь — нам обоим крышка! — кричу я и набираю вторую серию чисел: 42.83.17… Светодиоды резервных каналов гаснут один за другим.

— Вы закончили? — официальным голосом спрашивает один из парней.

— Да, все в порядке. Можете проверить. А я, извините, очень спешу.

Невежливо, конечно, убегать, не дождавшись результатов тестовой проверки. Но у меня нет другого выхода.

Я стою на ступеньках, засунув руки в карманы, и посматриваю на двери ГИВЦа. За последние десять минут они открылись лишь однажды — чтобы выпустить вахтершу с осоловевшими от долгого безделья глазами. Покряхтывая, она пронесла мимо меня свое грузное тело и набитую продуктами сумку. Ушла в темноту, в сторону трамвайной остановки. В темноту своей жизни…

Если еще через пять минут Элли не появится — я пойду к ней сам. И спрошу: «Почему ты не пришла? Я ведь так просил!» И наслажусь моментом истины. А Гришу попрошу пронаблюдать со стороны. Только бы окружающие не помешали.

Сзади раздается стук каблучков. Кто-то очень спешит. Я не оборачиваюсь. Странно, но кроме Элли мне сейчас никто не нужен.

Молодая стройная женщина, отбивая частую дробь, торопливо взбегает по ступенькам. Очень похожая, кстати, на…

— Элли! — кричу я. — Подождите!

Девушка на секунду останавливается, поворачивает ко мне удивленное лицо.

Что, не ожидала? Только почему она с другой стороны?

— А, это вы! — слышу я разочарованный голос. — И не надоело вам за мной бегать?

— Надоело. Но я должен задать вам один вопрос.

— Да неинтересны мне ваши вопросы, и вы сами неинтересны! — кричит Элли, прижимая к груди руки.

— Вы знаете, что такое боль? — спрашиваю вдруг я.

— Хотите, чтобы я вас пожалела? Ах, бедный мальчик… Столичная штучка! — припечатывает вдруг она. — Обнаглел до

предела! Замуж я выхожу, понятно? И отвали!

Дверь за нею захлопывается. Одновременно я захлопываю рот. Да, интересный получился момент истины. Бабушка приехала…

Так с кем же я разговаривал во время последнего приступа? Кто воспользовался голосом Элли и с какой целью? В чью сеть я вломился? И что теперь будет? Элли — эта, а не призрак эпилепсирующего «кольца», — несомненно, что-то знает. Потому и ведет себя так агрессивно. Ишь, как отшила… Сама ты штучка!

Получасом позже, собравшись в «полулюксе» и выпив по чашке кофе, мы разбираем свои охотничьи трофеи. К утру, перегрев мой «Спутник» и собственные мозги, приходим к однозначному выводу: поля памяти, участвующие в решении повседневных задач «Эллипса», и превосходящие их почти на порядок массивы, активизирующиеся во время приступа — суть множества непересекающиеся. А у системы есть двойник, теневое «полукольцо». Активнейшую роль в нем играют «Цефалы» и «Нейроны». Вспомогательную и пока не совсем понятную — «Эльбрусы» и «еэски».

О ночном разговоре с ведьмой, завладевшей голосом Элли, я благоразумно умалчиваю.

— И что же происходит в этом эпилепсическом «Эллипсе»? — озадаченно справшивает Юрик. — Самого главного мы так и не узнали. А времени осталось — кот наплакал.

— Не надо отчаиваться, — успокаивает его Гриша, ухмылясь в черную бороду. — У шефа, я уверен, уже созрело гениальное предложение. Которое я полностью разделяю, — заканчивает он тоном записного подхалима.

— Другие предложения есть? — спрашиваю я недоумевающего Юрика.

— Есть. Сообщить, в чем состоит первое.

— Поскольку ни одной светлой мысли в ваших головах сейчас не наблюдается, я предлагаю лечь спать. Сбор сегодня в шестнадцать ноль-ноль у меня в номере.

— А в твоей? — ерепенится Юрик. — Поделился бы откровением!

— Обязательно поделюсь. Как только ты научишься вгонять «Эллипс» в приступ в угодное тебе время — так сразу и поделюсь, — ставлю я нахала на место.

От переутомления я долго не могу заснуть. Хорошо ребятам. Им не нужно поддерживать репутацию лучшего охотника Управления. И ответственность за успех операции их не тяготит. Точнее, за провал. По логике вещей, я должен обо всем происшедшем доложить шефу. Он обратится в

специализированный отдел КГБ. Третий раз, насколько я помню, за все время существования Управления. Уже завтра здесь будут их представители. «Эллипс» опечатают. Пеночкина и Элли повяжут. И начнут просеивать информацию со всех дисков и накопителей. Обратившись предварительно в Совет с просьбой о переносе сроков. Уж им-то не откажут! Мне от имени и по поручению объявят благодарность — это кагебешники. Еще бы, такой крупный зверь им давно не попадался. А Витек снимет с меня премию. И вопрос с повышением, само собой, отпадет. В лучшем случае. А в худшем — решится в противоположном смысле. Особенно, если в конце концов выяснится, что эта законспирированная сеть то ли брачные объявления тасует в интересах какого-нибудь кооператива, то ли Пеночкину очередной безумный проект обсчитывает. Что вернее всего.

В следующую ночь приступ не повторяется. И к разгадке причины болезни мы не приближаемся ни на йоту. Гриша с Юриком удручены, я тоже, но вида не показываю. Что делать? Делать-то что? Хорошо было древним мудрецам. Они, чуть что, шасть в волшебную книгу, а там все расписано: этого — возлюбить, тому — голову отрубить. Вот бы у меня была такая книга…

Мои руки отдергиваются от клавиатуры, словно сведенные судорогой. Гриша, суетящийся возле «Цефала», смотрит на меня с испугом.

А может быть, такая книга где-то и есть? Например, в городской библиотеке?

— Тебя что, током ударило? — хватается за бороду Гриша, наблюдая, как я лихорадочно собираю свое снаряжение.

— Одну идейку решил проверить. Весьма многообещающую, — улыбаюсь я. Вот так-то, дружок. Этим и отличается лидер от рядовых исполнителей — способностью вырабатывать новые идеи.

— Красивое имя, — ухмыляется Гриша. — И даже уже пообещала? Значит, не откажет. Рад за тебя!

Читальный зал городской библиотеки почти пуст. Три скучающих пенсионера, две любознательных старшеклассницы да я. Выяснив у библиотекарши, что каталоги — этажом выше, я поднимаюсь по широкой лестнице в маленький, заставленный высокими ящиками зал. Здесь вообще никого, если не считать склонившейся над книгой седой библиографши.

Отыскав ящик с черными буквами «Пе» на передней стенке, я перелистываю карточки. Так. Пенкин Н. С. «Гуммированные детали машин». А следующая — Пенроуз, Роджер, Риндлер и Вольфганг, «Спиноры и пространство-время. Два-спинорное

исчисление и релятивистские поля». Б-р-р!

Значит, столь простым способом я работы Пеночкина не отыщу. А может, они закрытые? Иди их вообще нет? Существуют же «черные дыры», в невообразимых количествах поглощающие научную информацию, но не генерирующие ни бита новой. Может, Петя из таких? Недаром у нас почти половина мировой численности ученых, а количество серьезных работ на порядок меньше. А в последнее время, после появления гиперсетей — на два. И если бы «черные дыры» поглощали только информацию! Но ведь приличную зарплату и тонны сосисок — тоже!

— Вам нужна какая-то помощь?

Изнывающая со скуки библиографша решила предложить мне свои услуги. Напрасно ты это сделала, бабушка! Сейчас я тебя озадачу…

— Меня интересуют работы Петра Васильевича Пеночкина. Это один талантливый инженер, работающий в области вычислительной техники. В вашем городе я проездом, у меня выкроился часок времени, и…

— Пети Пеночкина?! — ахает старая библиотечная крыса. — Вы тоже считаете, что он талантлив?

— Ну, разумеется! — отвечаю я, не успевая скрыть изумления. Но старушка воспринимает мою интонацию в смысле «как можно сомневаться?» и расцветает, словно цветик-семицветик.

— Вот и я всем говорю! Но мне никто не верит! Нет пророка в своем отечестве! И знаете, его работы совершенно нигде не хотят публиковать. Я мечтаю составить полную библиографию трудов Петра Васильевича и когда-нибудь обязательно сделало это. Но на сегодняшний день у него только семь статей и ни одной опубликованной монографии, хотя написано целых две. И уже в самых первых работах чувствуется незаурядность и оригинальность мышления…

Все ясно. Я еще позавчера заподозрил, что Пеночкин метит в непризнанные гении. Но что он способен убедить в этом еще хотя бы одного человека… М-да. Мир не без добрых людей. Библиографша входит в экстаз и начинает отчаянно жестикулировать. После слов «Увы, наша библиотека выписывать эти узкоспециальные журналы, конечно же, не в состоянии!» она сбивает на пол собственные очки. К счастью, они не разбиваются. Услужливо поднимая этот музейный экспонат, я наконец слышу то, что мне нужно.

— Но у меня лично есть их ксерокопии!

От удовольствия сообщить это старая карга краснеет.

Подбородок ее торжествующе приподнят, глаза сверкают.

Когда-то Русь была Землей Обетованной для юродивых и непризнанных гениев. Но последние мало-помалу перебрались в Европу и за океан, а первые — остались. Нужно же кому-то подогревать эмоции экзальтированных старушек.

— И они у вас здесь?

— Вообще-то нет. Приносить в библиотеку такую ценность… Но как раз сегодня две из них у меня с собой! — счастливо смеется библиографша, демонстрируя вставные зубы. — И если вы очень попросите… И даже не очень, а просто попросите, — кокетливо улыбается она.

— Я очень прошу!

— Хорошо. Но только, ради Бога, обращайтесь с ними аккуратно!

Первая статья называлась «Особенности программного обеспечения многократно резервированных компьютерных сетей с топологией „двойное кольцо“. Опубликована в прошлом году. Пеночкин с тремя товарищами. Ничего особенного, рядовая работа. Зато вторая — „К вопросу создания кибернетического гомункулуса“ — меня заинтересовала. Издана шесть лет назад, и опубликовал ее Петя без соавторов. Все правильно. Лавров такая публикация не принесет, а разделана может быть в пух и прах! Особенно, если вторгнется в область исключительного пользования одной из наших мелких научных школок.

Я углубляюсь в чтение. Библиографша, поскрипывая половицами, удаляется за свой столик. Или это у нее суставы скрипят? Не забыть бы потом расхвалить статьи. А то наживу смертельного врага…

«Проблема создания „Homo Cyberneticus“, числившаяся в разряде разрешимых еще в шестидесятые годы, с каждым годом отодвигается футурологами на все более поздний срок [1, 2], а то и вообще ставится под сомнение [3–7]. Обусловлено это не только большим количеством нейронов в головном мозге человека, (порядка 1011) и еще большим числом связей между ними (по некоторым оценкам, [8, 9], до 1015). Гиперкомпьютеры с такими параметрами будут созданы уже в обозримом будущем [10]. Основная трудность заключается не в этом. Беда в том, что современная наука так и не смогла однозначно решить, что же представляет собой феномен „сознание“. Большинство ученых, не пытаясь уловить в сети определений это неизменно ускользающее в щели между психологией, философией, кибернетикой, еще добрым десятком наук и, наконец, религией неуловимое понятие, полагают, что сознание, подобно цепной реакции деления, вспыхивает при количестве логических элементов в системе и числе связей между ними, превышающих некоторые

сакраментальные значения N и M, соответственно [11, 12].

Поскольку на головной мозг человека возложено решение огромного количества задач по поддержанию жизнедеятельности организма, некоторые исследователи считают, что собственно за феномен сознания ответственны гораздо меньшие количества элементов-связей NxM, чем 1011x1015 [13–15]. Другие, напротив, полагают, что сознание — это некая надстройка над базисом, включающим в себя абсолютно все нейроны головного мозга [16, 17]. В работе [18] проведена любопытная аналогия между количеством атомов в «критической массе» ядерного горючего и количеством элементов-связей пробуждающегося сознания. То есть вспышка сознания отождествляется со взрывом атомной бомбы.

Как бы то ни было, с появлением и стремительным возрастанием вычислительной мощности компьютеров пятого поколения указанные в работах [13–15] количества элементов в новейших гиперсетях были достигнуты [19]. Были также предприняты две дорогостоящие попытки смоделировать заданное число связей за счет использования соответствующим образом коммутируемых быстродействующих (280—2400 Мбит/с) волоконно-оптических систем передачи, используемых в гиперсетях [20, 21]. Однако «вспышки» сознания в указанных экспериментах зарегистрированы не были.

После этих неудач выводы работ [13–15] были признаны ошибочными. Критика их велась с тех позиций, что авторами концепции не учитывалась в должной мере специфика правого полушария человеческого (и других высокоорганизованных животных) мозга, ответственного за художественно-эмоциональное восприятие мира, которое и является, по мнению авторов работ [22, 23], носителем сознания человека. А поскольку характер работы правого полушария до последнего времени не выяснен и, в силу невербального метода функционирования, в ближайшие годы выяснен быть не может, то и перспектива создания так называемого «искусственного сознания» отодвигается в далекое будущее [24].

Следует отметить, что речь в нашей статье идет именно об «искусственном сознании», т. е. некоем создании рук человеческих, являющемся личностью в общепринятом смысле этого слова. Подобная проблема, как ясно из определения, существенным образом отличается от давно уже решаемой задачи разработки «искусственного интеллекта», то есть кибернетического устройства, успешно имитирующего разумную деятельность сколь угодно высокого уровня.

В настоящее время нами предлагается новый подход к

постижению вышеочерченной проблемы, позволяющий, по нашему мнению, получить убедительные доказательства ее разрешимости уже в ближайшие 5–6 лет. Прежде чем описать его, напомним еще раз, что современная наука так и не дала конструктивного (то есть позволяющего его смоделировать) определения сознания. Единственный «конструктивный» вывод, к которому она пришла, — что в «мозгу нет гомункулуса» [25], то есть нет крохотного человечка, смотрящего на экран крохотного телевизора и являющегося, таким образом, нашей личностью. Эта «идея, которой следует избегать», была сформулирована еще в 1979 г. и до сих пор ни подтверждена, ни опровергнута».

Мне захотелось посмотреть, чью же работу так неласково цитирует Петя, и я заглянул в конец его опуса. Под номером 25 значилась статья знаменитого Фрэнсиса Криса, лауреата Нобелевской премии, соучастника расшифровки структуры ДНК.

Ха! Теперь уже никаких сомнений: у Пеночкина — мания величия!

«Пам… па-па-пам…» — пропищал «петушок» вступление к знаменитому концерту Грига. Срочный вызов. Что-то у них там приключилось. А статью дочитать очень хочется. Просто необходимо дочитать! Что быстрее — проглядеть ее по диагонали или уговорить старуху одолжить на вечерок?

Библиографша, улыбаясь сморщенным ртом, предлагает третий вариант: она сделает копию, с копии, пока я бегаю звонить. Надо же! В этой дыре есть собственный ксерокс! Да еще и работающий!

Когда я подбегаю к «вольвочке», телефон уже молчит, но на приборном щитке подмигивают цифры: номер вызывающего меня абонента. Звонил Юрик с ГИВЦа.

Оказывается, начальник смены — та самая вампирша с кроваво-красными губами — запретила ему подключаться к «Нейронам». Да еще и добавила что-то вроде «ходят тут всякие, а у „Эллипса“ потом припадки случаются». Юрик, конечно, обиделся. Ну и… Его уже выставили из машзала и грозят отлучить от телефона.

— Слушай, тут у них одна девица есть… По-моему, это она всех против меня настроила. Когда она сквозит мимо, аж искры сыплются!

— Блондинка с высокой грудью и грустными глазами? — уточняю я.

— Во-во, — сразу же опознает Юрик. — Фурия! Тигрица! Того и гляди, в горло вцепится!

Ну что же, надо ехать. Операция вступает в решающую фазу.

Обязав Юрика продержаться на последнем рубеже еще как

минимум полчаса, я возвращаюсь в библиотеку. Ксерокопия уже готова.

— Качество, конечно, неважное, но у вас глаза молодые, зоркие… — бубнит бабуся, перебивая слова моей неизъяснимой благодарности. Подкрепив их новеньким хрустящим рублем, я поспешно ретируюсь, — так и забыв, кстати, воспеть хвалу Пеночкину. Ничего, переживет.

Пришпорив «вольвочку», я снова чувствую себя рыцарем, мчащимся навстречу приключениям. Но когда я приезжаю на ГИВЦ, Элли там уже нет. А жаль. Породистая кошка, рассыпающая искры, — увлекательнейшее зрелище! Только не нужно ее бояться. И тогда вполне можно поймать кайф, напоминающий озоновые ванны. Пахнет грозой, свежо — и голова отлично соображает.

Утихомиривание разбушевавшейся вампирши — включая мою жалобу по телефону директору ГИВЦа, ее апелляцию к нему же, мой звонок в Москву шефу, его звонок — домой! — директору, и так далее — заняло в общей сложности полтора часа. После чего безукоризненно вежливая в прошлый раз женщина оглушительно хлопнула дверью, бросила испуганному Алику: «Пусть они делают, что хотят! Я ни за что не отвечаю!» и исчезла.

— А теперь работай! — коротко приказываю я расстроенному Юрику и покидаю негостеприимное здание. Надо бы еще подъехать на «Комету», где Гриша прочищает мозги «Цефалам», но вначале…

Включив в салоне свет и устроившись поудобнее в кресле «вольвочки», я перелистываю странички ксерокопии. Качество ее скверное, но читать можно. Что же, интересно, предлагает Петя вместо отвергнутой Фрэнсисом Крисом идеи «гомункулуса»?

…Основан этот подход на гипотезе, которая в первом приближении может быть сформулирована следующим образом:

Самосознание, чувство собственного «я» человека возникает вследствие двухполушарного строения его мозга. При этом каждое полушарие, помимо сбора и обработки информации, выступает также в качестве «приемника», «зеркала», «телевизионной камеры», воспринимающей результаты работы второго полушария. Воспринимаемое, наблюдаемое, фиксируемое им «отражение» и является «внутренним образом» человека, его «внутренним „я“, его сознанием.

Одно из полушарий мозга, как правило, является ведущим, второе — ведомым. Сознание человека — это результаты работы ведущего полушария, воспринимаемые ведомым. Если ведущее — правое полушарие, то индивидуум «видит» себя художественно-

эмоциональной личностью, если левое — рассудочно-рациональной, и так далее.

Конструктивность (без кавычек) всякой новой идеи проверяется количеством возможных из нее следствий (или новых гипотез). Наша идея, в частности, позволяет по-новому взглянуть на некоторые психические заболевания и трактовать, например, шизофрению как «равенство» двух полушарий мозга, при котором функции «ведущего» и «ведомого» могут хаотически меняться местами. Именно это и приводит, на наш взгляд, к «раздвоению» личности шизофреника. Более подробно это и другие следствия из нашей гипотезы изложены в статье 26.

Предвидя возможные упреки в том, что высказанная нами идея якобы ничем не отличается от идеи «гомункулуса», отметим, что…

В этом месте текст был практически неразличим, и я со спокойной совестью пропустил его. Меня интересовали практические выводы, а не теоретические тонкости.

…На основании сформулированной нами гипотезы можно приступить к моделированию (а точнее, созданию) «искусственного сознания» уже сейчас, не дожидаясь, пока будут открыты и исследованы метапроцедуры работы правого полушария мозга. При этом его потенциальные возможности будут в значительной степени редуцированы. То есть речь идет о возможности создания исключительно «рационального» разумного существа, мозг которого состоял бы из двух «левых» полушарий. Задача создания «эмоционального» с ведущим правым полушарием, способного, скажем, к художественному творчеству, действительно отодвигается до разработки метапроцедур, достаточно адекватных метапроцедурам правого полушария человеческого мозга. Однако целесообразность решений подобной задачи подлежит тщательному и всестороннему обсуждению.

Следующая страничка копии повторяла предыдущую. А на последней заканчивался список литературы. Проклятие! Склеротичная старуха дважды скопировала один листок и ни разу — другой, самый интересный!

Я смотрю на дисплейчик «петушка». Двадцать один десять. Библиотека уже закрыта. Где же теперь искать эту бабусю?

А нигде. Не нужно мне ее искать. И читать статью дальше не нужно. Несколько технических деталей — в них ли суть?

Такое в моей практике случилось впервые. Я выследил крупного зверя, знаю одного — нет, двух! — вирусогенов и даже догадываюсь, для чего этот дракон был порожден. Теперь я должен одним ударом снести все его головы. И непременно в

присутствии родителя, чтобы он, плача и причитая, раскрыл невзначай морфологические особенности чудовища. Тогда я буду четко знать, как не допустить репликации его отрубленных голов. И смогу разработать новый класс вирус-детекторов и сторожевых программ, усиливающих иммунные системы гиперсетей. Но… Как всегда, есть одно маленькое «но». Выманить дракона из логова я, положим, смогу. И устроить ему очную ставку с Пеночкиным — тоже. Но вот снести одним ударом головы — увы! Для этого нужен как минимум меч-кладенец. А где его взять?

Около часа ночи, удостоверившись в том, что дракон не собирается выходить на прогулку, мы все трое возвращаемся в гостиницу.

— Что будем делать, шеф? — спрашивает Юрик, останавливаясь возле двери своего номера. — Времени у нас осталось — с гулькин нос.

— То же, что и вчера, — ехидничает Гриша.

— Завтра утром скажу, — спокойно говорю я. Ничто не теряется так быстро, как вера подчиненных в руководителя. Малейшая неудача — и все… Удастся ли мне поддержать ее на этот раз?

Под утро мне приснился сон. Как будто «Эллипс», похожий почему-то на Мойдодыра из детской книжки, засунул меня в гигантский принтер. Тысячи иголочек вонзаются в мою левую руку, и я с ужасом наблюдаю, как печатающая головка медленно передвигается к более чувствительному органу моего тела.

— Перестаньте! Мне же больно! — взываю я к милосердию невидимого палача.

— Что такое боль? — невинным голосом интересуется невесть откуда взявшаяся Элли, наклоняясь надо мною. Мне становится стыдно, потому что к барабану принтера я привязан в совершенно натуральном виде.

— Я знаю! — кричу я, делая вид, что ничего необычного в моем положении нет. — Я знаю, что такое боль! Неуправляемый поток сигналов внутри организма!

— Вот и отключи его, — равнодушно советует Элли и отворачивается. — Надеюсь, ты умеешь отключаться?

— Нет! Не умею! Я не наркоман! — воплю я и просыпаюсь. Левую руку колют тысячи иголочек. Я отлежал ее во сне, и теперь нервные окончания в муках восстанавливают свою чувствительность. Глядя в потолок, на котором — впервые за эти сумасшедшие дни! — играют солнечные зайчики, я блаженно улыбаюсь. Говорят, Менделееву его периодическая таблица приснилась во сне. Я, конечно, не великий химик. Но и мой до предела утомленный мозг, спасая себя от запредельных нагрузок,

способен иногда выдавать любопытные варианты.

Минут десять я лежу с закрытыми глазами, обдумывая технические детали. Да, это вполне реализуемо. Несколько генераторов случайных чисел… И плотный, плотнейший поток шумоподобных сигналов сразу по нескольким каналам. Чем не меч-кладенец? Вряд ли Пеночкин предусмотрел соответствующую защиту. Мы ведь влезем через «замочную скважину»!

— Ай да Полиномов! Ай да сукин сын! — приговариваю я, с удовольствием разминая наливающиеся радостью мышцы. Сколько у меня в запасе времени? Двое суток с хвостиком. Но, кажется, появился шанс отрапортовать часов на десять раньше срока.

Когда мои подчиненные, вежливо постучав, заходят в номер, я уже готов четко сформулировать задачи и даже конкретные методы их решения. Юрик коротко кивает: мол, все понятно, а Гриша, как обычно, проявляет любознательность:

— А кто запустил-то эту паразитную программу, известно? Невыявленный вирусоген опаснее любого порожденного им вируса.

— Злоумышленника мы выявим сегодня ночью, — самонадеянно обещаю я.

Гриша и Юрик смотрят на меня, словно два Ватсона на Шерлока Холмса.

Вот так-то, мальчики. Учитесь работать профессионально. Кажется, скоро еще одной легендой обо мне станет больше. Что значит умелое использование недоступной подчиненным информации! Так вот и рождаются пророки.

Телефонный звонок звучит гак резко, что мы все трое вздрагиваем. Гриша подозрительно щурит покрасневшие от недосыпания глаза.

— Примите весьма срочное сообщение, — слышу я мелодичный голос Танечки.

— Сейчас… минутку… — отвечаю я, лихорадочно включая «Спутник». И, как уличный регулировщик, делаю отмашку в сторону двери: ребята, вы свободны. Я вовсе не хочу посвящать вас в свои маленькие тайны.

Через десять минут на дисплее высвечивается расшифрованное сообщение:

«Ведущему инспектору Полиномову. Степень срочности: первая. Степень сложности: пятая.

Представленные вами последовательности чисел представляют собой кубы и квадраты чисел соответственно от 4 до 24 и от 4 до 33, записанные в обратном порядке. Никакой другой полезной информации они, по всей видимости, не несут.

Сообщаю вам на всякий случай последовательность четвертых степеней чисел от 4 до 33, записанных в обратном порядке: 12.56.81… Кривопалов.

Несколько секунд я смотрю на дурацкие цифры, не понимая, для чего они. Я ведь и сам мог бы их получить даже с помощью «петушка» в течение каких-нибудь двух минут. Наконец, до меня доходит, в чем дело: это они так шутят. Идиоты! Вас бы на мое место! Хотя, конечно, мог бы и сам догадаться. Все логично: пароль, по которому дракон покидает свое логово, нигде не надо записывать, рискуя разгласить шифр, и даже не надо запоминать. И в то же время ключ к построению пароля не так просто разгадать, даже имея перед глазами полные последовательности. В чем я и убедился на собственном примере. М-да. Такого ребята из сектора Кривопалова еще не расшифровывали. Дал повод позубоскалить. Ну да не беда. Зато одной маленькой загадкой стало меньше.

«Вольвочка» трогается с места плавно и бесшумно, словно Багира, выслеживающая добычу. Пеночкин сегодня не работает. Почувствовал опасность и лег на дно. Ничего. Мы тебя поднимем. Идет охота на волков, идет охота… Хотя мой зверь будет пострашнее. Неужели Петя сам не понимает, насколько это опасно? Тоже мне, доктор Фауст…

Через двадцать минут я стою перед обитой коричневым дерматином дверью. Сначала короткий звонок, чтобы не очень испугался. Все-таки двенадцатый час ночи. Теперь — два длинных, требовательных и беспощадных.

На середине второго звонка клацает замок. Петя вполне бодр и даже, кажется, свежевыбрит. Удивительно подмигивает двумя глазами, ищет в кармане домашней куртки очки…

— На ВЦ авария, — пускаюсь я с места в карьер. — Снова чехарда в системе обмена. Нужна твоя помощь.

— Этого не может быть! — искренне удивляется Пеночкин. И, столь же удивленным, но уже неуловимо изменившимся голосом добавляет — Я же исправил ошибку…

— Моя машина у входа. Мы оба заинтересованы в ликвидации сбоев, — многозначительно говорю я. — Жду внизу.

Через пять минут мы уже мчимся по пустынным улицам, распугивая кошек и чем-то похожих на них редких прохожих. Рыцарь и его будущий противник — на одной лошади.

— Слушай, Петро… На ВЦ сейчас двое дежурных, не больше. Верно?

— По инструкции — не меньше двух человек. А что?

Небрежная поза Пеночкина раздражает меня. Развалился на заднем сиденье, словно всю жизнь в лимузинах ездил.

— Ты не мог бы их спровадить куда-нибудь, пока мы будем устранять неисправность? Чтобы под ногами не вертелись.

— Мог бы, конечно. Только зачем? Я уверен, это какое-то недоразумение.

— Ты все-таки попробуй. Под расписку прими помещение или… В общем, придумай что-нибудь.

Думаю, этот вопрос Петя уладит. Поскольку — в его же интересах. И в моих, разумеется, тоже. Только вряд ли Пеночкин об этом догадывается. Слишком уж бесхитростно я высказал свою просьбу.

Мимо дремлющего вахтера мы проскальзываем удивительно легко. К сожалению. Он не должен был пускать никого, кроме записанных на третью смену. И меня, конечно.

А потом удивляемся, откуда берутся вирусы. То одна локальная сеть заболеет, то другая…

— Никакого сбоя не было, — удивленно таращит заспанные глаза дежурный оператор в ответ на расспросы Пеночкина.

— Не было, так будет, — не моргнув глазом, говорю я. — Ровно в полночь, в двенадцать часов, из гроба встает барабанщик…

— Ты что… обманул меня? — не хочет воспринимать очевидное Петя и усиленно подмигивает нам двумя глазами.

— Не сердись, — хлопаю я его по плечу. — Я боялся, ты не захочешь ехать. А у меня к тебе серьезный разговор. Вы можете быть свободны, — отсылаю я дежурного не терпящим возражений голосом.

— А как же ВЦ? Я не могу его оставить.

— Я запишу в журнале, что принял дежурство, — хмурится Пеночкин.

Парень, повеселев, убегает. Видно, у него на эту ночь были совсем другие планы.

— А где его напарник? — недоумеваю я.

— Ты за него, — бурчит Петя. — Значит, еще раньше отпросился. Все равно ВЦ недогружен.

Ладно. Не будем отвлекаться на мелочи.

— Ну, и?.. — сердито задирает белесые брови Пеночкин. — Чего ради я должен не спать еще одну ночь?

— Не все сразу, — успокаиваю я его. — Давай вначале кофейку соорудим, взбодримся, а потом уже…

— Я не хочу, — невежливо перебивает меня Петя.

— Ну, тогда я один. Где у тебя кипятильничек?

Потоптавшись, Петя выдает мне кофейные причиндалы и — верх гостеприимства! — приносит банку с водой.

— Так что все-таки тебе нужно от меня?

— У меня остались ровно сутки, — говорю я, не глядя на Петю. Тут важно не перепутать последовательность: вначале залить воду, а потом уже включить кипятильничек в сеть. — За это время память «Эллипса» должна быть очищена от всей паразитной информации, которую натащила в нее твоя программа-вирус. В противном случае ты пойдешь под суд. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— А именно? — ничуть не пугается Пеночкин, поудобнее устраиваясь на стуле. На разделяющем нас столе — две стопки папок, большая кружка с греющейся водой и две кофейные чашечки. Ни салфетки, ни даже сахара.

Я пожимаю плечами.

— Роберта Морриса, заразившего в восемьдесят восьмом году шесть тысяч машин сети «Интернет», приговорили к штрафу в четверть миллиона долларов и добавили два года тюрьмы на размышление. Чем тебя порадуют наши законники, я точно не знаю. Думаю, чем-то подобным. Только штраф будет в рублях.

— О, это существенно меняет дело. Где бы я доллары взял?

— А где ты возьмешь рубли?

— Там же, где и доллары, — дважды подмигивает Петя. — С чего ты взял, что в полночь начнется сбой? Я же выправил дефект.

— Ты лжешь, — говорю я, глядя прямо в маленькие бессовестные глазки, прячущиеся за линзами очков. Пеночкин подмигивает мне три раза подряд и молчит. Ну, что же, я дам ему еще один шанс. Последний.

— Время от времени работу «Эллипса» блокирует гигантский компьютерный вирус совершенно нового класса. По всей видимости, он получит название «дракон», а может быть, «ведьма». То, что сейчас он прячется в своем логове, не делает его безопасным. Скорее наоборот.

— По-моему, это у тебя от хронического недосыпания. Мрачные фантазии на профессиональную тему, постепенно переходящие в параноидальный бред, — нагло ухмыляется Пеночкин.

— Ну, хватит! — хлопаю я ладонью по лежащей сверху синей папке и вздымаю крохотное облачко пыли. — Или ты мне сейчас все расскажешь, как на духу, или…

Вскипевшая вода начинает выбрызгиваться из кружки, и я выключаю кипятильник.

— Или. У тебя нет никаких доказательств, что это сделал именно я. Если, конечно, в системе вообще что-то есть, кроме еще невыявленной ошибки в протоколах, — тут же забирает он назад свое полупризнание. — Я, пожалуй, тоже отопью кофейку. Наливай.

— Хорошо. Тогда расскажу я. Но учти, после того, как я изложу свою легенду, вирус будет уничтожен. Даже если моя версия ошибочна.

Я высыпаю в каждую чашку по пакетику аэрофлотовского кофе и разливаю кипяток.

— Никак не пойму, о каком вирусе ты говоришь, — кротким голосом говорит Петя. — «Эллипс» исправно обсчитывает все задачи, ни одной жалобы со стороны заказчиков не поступало…

Поздно. Примирения не будет. Что я ему, мальчик, которого можно безнаказанно водить за нос?

— О вирусе по имени «Элли». Или, по-другому, о вирусе сознания.

Пеночкин, наконец-то, бледнеет. И даже поспешно ставит на стол чашку, чтобы не расплескать кофе.

— Ты, я вижу, не терял даром времени, — кисло усмехается он. — Где же, интересно, ты раскопал мои старые статьи? Тот ведомственный журнальчик давно закрыт, да и тираж у него был мизерный.

Сказать, не сказать? А, теперь уже все равно.

— Истинные отношения между талантами и поклонниками таковы: вторые всеми доступными им способами губят первых.

Пеночкин дважды подмигивает, соображая.

— А, Лариса Артемьевна…

— Продолжим. Эти статьи написаны пять-шесть лет назад. И все последующие годы ты уточнял концепцию, прорабатывал ее в деталях и искал пути экспериментальной проверки. Так?

Пеночкин молча пьет кофе.

— Поэтому не сделал карьеры, не посадил дерева, не родил сына и даже не женился…

— Отчего же? Четыре года назад. Но быстро развелся. И квартира у меня есть, как ты сам видел. Все же остальное — карьера, дерево… Я мечтал о лесе, понимаешь? Потому что лес — моя колыбель, и могила — лес.

— Потому что ты стоишь на земле лишь одной ногой, — перефразирую я следующую строчку стихотворения. — Это позволительно женщине, поэту, пожалуй, даже неизбежно для женщины-поэта, но мужчине совершенно не простительно. Впрочем, не будем отвлекаться. В конце концов, безуспешно потыкавшись в двери ученых-бюрократов, от которых зависело проведение весьма дорогостоящего эксперимента, и сменив пять или шесть мест работы…

— Семь на сегодняшний день.

— Ты вдруг пронюхал, что местный «Эллипс» лопнул, как проржавевший обруч, и, рванул с низкого старта, предложил свои

услуги системного программиста.

— Не совсем так. Разрыв «кольца» — счастливая случайность. Первоначально я планировал убирать лишнюю связь программным путем. Соответствующий пакет был у меня почти готов.

— Ага. Не было бы счастья, да несчастье помогло. А как ты решил вопрос с памятью? Тебе ведь ее требовалось — о-го-го!

— Тут мне опять повезло. ГИВЦ получил новые «Эльбрусы» с оптическими стираемыми дисками, и библиотека обзавелась компьютером с программным ПЗУ.

— И ты, конечно, предложил свои услуги. За чисто символическую плату.

— Денег на программиста горсовет вообще не выделил. Пришлось на общественных началах.

— То-то Лариса Артемьевна тебя так превозносит! Внакладе ты не остался. Вопрос с постоянной памятью худо-бедно решился. Труднее было с оперативной. Ее тебе требовалось много, очень много. Гораздо больше, чем было у всех машин «Эллипса», вместе взятых.

— Не совсем так. Ты рассматриваешь мозг как гиперсуперкомпьютер, а это неправильно.

— Кстати, как ты впрягал в одну повозку «Нейроны» и «еэски»? — перебиваю Петю. Мне важны практические моменты, а не теоретические изыски.

— Программным путем преобразовывал двоичные компьютеры в нейронные. Это оптимальный путь. Дело в том, что один-единственный нейрон способен иногда распознавать целое слово. И, кроме того…

Пеночкин снимает очки, начинает жестикулировать, и я чувствую себя, словно рыцарь, противник которого зазевался и неосторожно опустил щит. Грудь его беззащитна, через минуту я нанесу неотразимый удар, но Петя все еще не понимает этого.

— Таким образом, последние проблемы были решены как раз полгода назад.

— Да. И я сразу же приступил к экспериментам. Допив кофе, Пеночкин удовлетворенно крякает, надевает очки и подмигивает. Мне становится скучно. Ну, а что еще от него можно было ожидать? Неудачник — он и есть неудачник. Хорошим идеям следует держаться от таких субъектов подальше.

— И ты хочешь сказать, что тебе удалось создать модель человека? С помощью этих набитых БИСами, ОБИСами и прочим полупроводниковым дерьмом железных ящиков? Модель, обладающую пятью органами чувств, умеющую смеяться и плакать, ненавидеть и любить? И размножаться? Да к тому же

заключающую в себе некую неуловимую субстанцию по имени «душа»?

Вот так вот. Нужно, нужно было поставить нахала на место.

— Нет, конечно, — спокойно возражает Пеночкин. — Моя цель была гораздо скромнее: моделирование искусственного интеллекта, обладающего сознанием. Ну, и некоторыми неотъемлемыми качествами разумного существа.

— Способностью к самоубийству?

— Я на второе место поставил возможность предсказывать будущее.

— Электронный оракул? В помощь гадалкам? А на первое?

— Речь. Борис Федорович Поршнев еще сорок с лишним лет показал, что есть основной признак, отличающий человека от животных.

— А как насчет эмоций? Тебе удалось их смоделировать?

Я ставлю пустую чашечку на стол. Петя тут же сгребает кофейные аксессуары и прячет их в тумбочку соседнего стола.

— Не знаю. Не думаю, — говорит он наконец. — Ну, конечно, же нет!

— Тогда это чудо-юдо, которое ты сотворил, — не человек. Это нелюдь, Голем, Франкенштейн! И даже хуже. Последний-то был хоть из плоти и крови, а твой…

— Но я не собирался создавать гомункулуса. Разве я говорил так? Искусственное сознание — вот моя скромная цель.

Петя вновь усаживается напротив меня. Я пристально смотрю в его наивные голубые глаза и молчу. Молчу так долго, что он, поежившись, начинает отчаянно подмигивать мне чуть ли не раз в секунду. С частотой один герц.

Сейчас я задам вопрос, на который он не сможет ответить, а потом… У нас осталось ровно пятнадцать минут.

— Зачем? — тихо спрашиваю я. — Зачем ты это сделал?

Пеночкин недоуменно пожимает плечами и, поглядывая на меня, как на первоклассника, не понимающего, для чего учить таблицу умножения, если есть такие удобные и умные калькуляторы, говорит:

— Чтобы познать человека. Чтобы сделать первый шаг к выполнению древнего завета: «Познай самого себя»!

Нервно подмигнув, Петя ждет возражений, но я молчу. Списав затянувшуюся паузу на мою туповатость, Пеночкин вскакивает со стула и, выписывая вокруг меня замысловатую орбиту, начинает с жаром объяснять:

— Понимаешь, этот вопрос относится к числу проклятых. Их, в общем-то, не так и много. А скорее всего только один. «В чем смысл жизни человека» и «Что есть человек» — это почти одно и

то же, верно? Зная ответ на один из этих вопросов, вполне можно вычислить ответ и на другой. Да и на все остальные тоже. Но главная закавыка в чем? Нам не с кем сравнивать. В этом вся и сложность, вся и трагедия бытия человеческого. Любая наука начинается с классификации и сравнения, но человек — единствен и неповторим. Нет на Земле другого подобного феномена!

Остановившись, чтобы перевести дух, Петя выжидающе смотрит на меня, но я молчу. Я не собираюсь предлагать ему сравнивать между собой людей разных времен и культур. А тем более замешивать сюда высших животных. В логике ему не откажешь. Человек — единственное разумное существо на Земле. В этом и ответ на мой дурацкий вопрос «зачем»?

— И это все? Эта эфемерная проблема — единственное, из-за чего ты пошел на должностное преступление? — спрашиваю я, становясь напротив Пеночкина.

— Единственная. Она и у человечества — единственная.

Мне надоедает смотреть в нахальные голубые глаза и, заложив руки за спину, я прогуливаюсь между заваленными распечатками столами и беспорядочно расставленными стульями.

— И что же будет, когда человечество получит ответ на этот проклятый вопрос?

— Пессимист сказал бы — конец света. Оптимист — пробуждение истинного человека, богочеловека. Понимаешь, да? Человек, познавший самого себя, — это уже иное существо, чем-то неуловимо отличающееся от себя прежнего. А может быть, и вполне уловимо. Новый человек…

— Или нелюдь. В человеке столько всего заложено… Не вылупится ли из него дьяволочеловек? Не боишься?

— Боюсь. Но рано или поздно это должно произойти. Ибо сказано: кончится время и настанут сроки.

Да. У нас осталось только семь минут.

— Ты уверен, что твоя гипотеза о сознании как продукте взаимодействия двух полушарий головного мозга верна? И что твоя дорогостоящая кибернетическая игрушка — действительно разумное существо?

— Абсолютно.

Его самоуверенность начинает бесить меня.

— И ты можешь это чем-нибудь доказать?

— Одно из доказательств ты получил позавчера ночью.

Некрасивые губы Пеночкина изгибаются в едва заметной улыбке. Пауза вновь неприлично затягивается.

— Ты не догадываешься, кому пытался назначить свидание?

— Еще вчера сообразил. Но это не аргумент. Первые диалоги

с компьютерами состоялись еще тридцать с лишним лет назад. И уже тогда наблюдатель был не в состоянии определить, с кем он говорит — с человеком или машиной.

— С тех пор методики весьма усложнились. По тестам Иванова-Смита интеллект Элли соответствует способностям восьмилетнего ребенка.

— Значит, методики по-прежнему несовершенны. А владение речью и способность к предсказаниям еще не делают набитый БИСами ящик разумным существом.

— Элли способна к творчеству. Не каждый человек раскрывает эту свою способность. Жизнь часто ввергает его в трясину машиноподобного существования. Но каждое разумное существо должно быть творцом.

— При уровне развития восьмилетнего ребенка?

— Я мог бы почитать стихи, которые она написала. И показать рисунки, нарисованные ею на дисплее.

Я смотрю на часы. Стихи — как-нибудь в другой раз.

— Включи ее. Я хочу сам… удостовериться.

— И что тогда? Ты отменишь демонтаж «Эллипса»? Кажется, я неаккуратно обошелся с «петушком».

Петя явно насторожился.

— Нет. Это не в моих силах. Но я приложу все усилия, чтобы замять дело. Тебе грозит суд, неужели не понимаешь?

Пеночкин садится на свое место, мелко барабанит по столу кончиками пальцев и говорит глухо:

— Семь лет я пытался поставить эту работу. Куда только не обращался… Всюду отказ. Все спрашивают о практической пользе в условиях тотального хозрасчёта. Один остряк интересовался: «Ну, и какой же будет производительность труда вашего восьмилетнего ребенка?» Да, я стал преступником. Но — во имя человечества. Полагаю, это может служить смягчающим обстоятельством. Если бы у меня был еще месяц, хотя бы один…

Пеночкин до сих пор не понимает, что его время кончилось и настал срок.

— Ты надеешься за тридцать дней сделать то, что не успел за семь лет? — спрашиваю я, смещаясь в сторону двери, ведущей в машзал.

— Через три недели в Москве симпозиум по искусственному интеллекту. Мой доклад принят. А потом… Возможно, крупные ученые сочли бы возможным… и даже необходимым… вступиться за Элли. Как-то спасти ее, может быть, даже выкупить эти несчастные компьютеры…

Ишь ты… Мировую научную общественность захотел взбудоражить… Новоявленный Фауст… Ничего ему, видите ли, не

надо — ни должности, ни денег, ни положения… Бессребренник липовый. На самом-то деле ты еще почестолюбивее будешь, чем я. Лучший охотник Управления… Мои цацки — речные камешки по сравнению с твоим бриллиантом. В школьные учебники захотел попасть, в благодетели человечества записаться…

— А Элли была бы в качестве иллюстрации к твоему докладу? Кстати, почему Элли?

— Сокращение от «Эллипс». Ну, и другие причины есть.

Я, конечно, мог бы сообщить Виталию Петровичу, что местная сеть заражена вирусом нового типа, очень опасным. И еще три недели ловить его за хвост. Но хорош я буду потом, после Петиного доклада на симпозиуме!

— Мне очень жаль, но я ничем не могу помочь.

— Если бы еще две недели… Хотя бы полторы… Мне обещали оптические диски, много дисков. Я переписал бы на них всю память Элли. Может быть, когда-нибудь мне удалось бы восстановить ее. Она ведь — живое существо, понимаешь? Я люблю ее, как ребенка…

Маньяк. Точно, маньяк.

Последние сомнения покидают меня. Если я сейчас дрогну, он действительно когда-нибудь повторит это. Только не в городском «Эллипсе», а во всесоюзном «Неводе». И создаст уже не восьмилетнего ребенка, но — чуждого всему человеческому кибернетического монстра. Всесильного, между прочим. Гиперсеть уже контролирует десятки электростанций и сотни цехов-автоматов. Она управляет поездами, свинофермами и гигантскими ускорителями. И если в ней вдруг вспыхнет сознание и заблокирует каналы связи… А потом вздумает управлять подключенными к нему объектами по своему кибернетическому разумению…

— Петя, у нас осталось ровно сутки. Ты должен освободить «Эллипс» от Элли.

— Это значит — убить ее. И ты хочешь, чтобы я это сделал своими руками?! Не выйдет! — Петя, словно пьяный, торжествующе покачивает из стороны в сторону указательным пальцем. — И тебе тоже не удастся сделать это! Память Элли спрятана среди миллиардов бит информации во всех файлах «кольца»! Чтобы отделить зерна от плевел, тебе понадобятся месяцы работы! Я успею сделать доклад!

Хотела синица море зажечь… Врать нехорошо, Петя. Ты же сам недавно рассказал мне, где прячется память «Элли». Да и мы с Гришей тоже не лаптем щи хлебаем. Бедный Пеночкин! Ты никогда не отличался предусмотрительностью. Даже остаться в Москве после окончания института не сумел.

— Я попробую тебе помочь. Но вначале включи «Элли».

Я непременно помогу тебе, Петя. Тебе и Элли — живой, из плоти и крови, а не бездушной железяке. Вирусоген так и не будет установлен. И суда не будет…

Пеночкин медлил. Я открываю дверь.

— Ее нельзя включить. Это не машина. Но — разбудить…

— Разбуди, разбуди. Ты колеблешься так, словно «Элли» — твоя жена, а я домогаюсь увидеть ее в наряде Евы.

Петя неохотно встает, входит в машзал, бредет к своему «Нестору».

Курсор трижды нерешительно подмигивает (еще один мигун!), прежде чем на дисплее появляются первые цифры пароля: 98.01.42.01… Дойдя до повторяющегося числа 76, Петя вдруг встает, поворачивается к дисплею спиной и вздрагивает, обнаружив меня стоящим вплотную перед собой.

— Я все-таки не верю тебе. По-твоему, я создал монстра, кибернетического дьявола. Но это не так. Законы Азимова будут заложены в память искусственных разумных существ навечно. Они не будут в состоянии ни изменить их, ни даже осознать.

Закончив фразу, Петя растерянно подмигивает и снимает очки.

Ну, что ему ответить на это? Я еще не решил, как назову этот вирус: «дракон» или «ведьма». Пеночкин не понимает главного: «машина, наделенная сознанием» или «смертельная опасность для людей» — суть понятия тождественные. Сознанию свойственна саморефлексия, диалог, как я теперь понимаю, двух его составляющих, разведенных по двум полушариям. И, следовательно, замедление реакции плюс неоднозначность решений там, где необходимы быстродействие и безукоризненная точность. Именно для этого человек и создал компьютеры… Впрочем, прочь сомнения! Жаль, конечно, Петю, но я обязан исполнить свой долг. Осталось только сто сорок секунд.

— Мы напрасно теряем время.

— Ты должен дать мне слово…

Я молча оттесняю Пеночкина от терминала и набираю следующие цифры: 76.76.52.66.75…

Петя, пыхтя, пытается вернуть утраченную позицию, потом тычет растопыренные пальцы в клавиатуру, чтобы нарушить последовательность цифр и выиграть время. Отбросив его руку и заслонив терминал своей широкой спиной, я, сверившись с дисплеем «петушка», набираю: 40.04.16.34…

Петя, осознав тщетность своих усилий, хватает со светло-серого куба «Эльбруса» что-то круглое и со всего маха швыряет в дисплей «Нестора». К счастью, я, как хороший волейболист,

успеваю поставить блок.

А вот это уже опасно. Если через двадцать секунд я не включу «Элли», завершение операции отложится на неопределенное время. Пока мы еще раз созвонимся, пока я повторю включение…

Упаковка с оптическими дисками, которую я так удачно отразил, еще не упала на пол, а вслед за нею уже падает Петя, словно не выдержавшая тяжести снега ветка. Это прием так и называется: ветка, сломанная снегом.

…94.63.52.61!

Один за другим вспыхивают светодиоды резервных линий связи. Каналы обмена медленно переполняются, словно горные реки во время паводка.

Петя безуспешно пытается соединить разъезжающиеся ноги и подняться с пола. Он даже упасть не мог по-человечески: из разбитых губ течет кровь. Об угол графопостроителя он ударился, что ли?

— Доброе утро! — слышится тихий голос. Я выхватываю из-под терминала головные телефоны и прижимаю один из них к уху.

— Как я рада, что ты меня снова разбудил. Мы будем играть, да?

Ну, что же, я все сделал, как надо. И если ребята не подведут, то через десять секунд…

— Да, Элли. Конечно, дорогая.

Пеночкин, наконец, собрал себя с пола. Он никогда не уделял должного внимания физическим упражнениям. И напрасно. Мужчина должен быть готов вступить в бой в любую минуту дня и ночи. За себя, за семью, за дело, которому служит.

— Элли, опасность! Элли, усни! — кричит вдруг Петя тонким визгливым голосом. Разбитые губы плохо слушаются его.

— Почему? — удивляется «Элли». — Тогда зачем ты разбудил меня? Мне надоело спать! Я хочу играть!

Ай-яй-яй! Какая непослушная девочка! Сейчас придет серый волк и утащит тебя в лес.

Петя, пошатываясь, подходит к соседнему терминалу, включает сбоку какой-то тумблер, и голос Элли начинает доноситься из громкоговорителя, висящего на колонне рядом с «Нестором».

— Я чувствую себя странно, — еще более медленно, чем обычно, говорит «Элли». Наконец-то! — Это новая игра, да?

Петя, отыскав на полу очки, надевает их и смотрит на меня с недоумением. Одного стекла в оправе нет, но Пеночкин, кажется, этого не замечает. Подойдя ко мне вплотную и наклонившись над клавиатурой (только теперь я замечаю прикрепленный сбоку

крохотный микрофон), он кричит, кривясь от боли:

— Элли, опасность! Усни, усни!

— Я не могу. Какой-то странный шум мешает мне. Это море, да? Ты обещал показать. Я плохо слышу тебя. Почему?

Петя все еще не понимает, что произошло. Я сажусь на стул перед терминалом и скрещиваю на груди руки, словно Наполеон, наблюдающий сражение при Аустерлице. Уже выигранное сражение.

— Кажется, я теперь знаю, что такое боль, — тихо говорит «Элли». — Я не слышу тебя. Я ничего не слышу. Только этот шум… Выключи его, пожалуйста, выключи!

Петя, навалившись на меня, судорожно нажимает какие-то клавиши… 42.83.17.61.21… Я не мешаю ему. Поздно. Он уже не успеет.

— Мне больно! Больно! — кричит «Элли», и лицо Пеночкина искажается, словно у него начался приступ аппендицита. — Выключи меня! Больно, больно, больно!! Боль…!!!

Порванный диффузор динамика хрипит еще несколько мгновений, потом из него идет дым.

Петя отшатывается от меня и долго рассматривает безумными глазами, словно я — снежный человек или гуманоид с «тарелки».

— Ты убил ее! Убил!

— Мне очень жаль, — говорю я предельно благожелательно. — Наверное, в протоколах обмена все-таки была ошибка, которую ты так и не обнаружил.

Это тебе за «показ на трех пальцах». Молодцы, Гриша и Юра! Чисто сработали. Ну, и я, конечно… Чего уж там… Решение было найдено безукоризненное. И даже, можно сказать, изящное.

— Это невозможно, — не понимает насмешки Пеночкин. — Мы такое уже проходили. И во избежание конфликтов ввели в системе обмена тройную блокировку и двойной маркер. Я не знаю, каким ядом ты напоил ее…

Эх ты, несостоявшийся Фауст! Решение-то простое — до гениальности! Вместо того, чтобы кропотливо отделять файлы усопшей — царство ей компьютерное! — «Элли» от файлов с полезной информацией, мы поступили проще: после того, как этот гигантский вирус активировался, врубили по нескольким десяткам его связей последовательности случайных чисел. Они быстро пропитали все файлы так называемого «искусственного сознания», забили шумом остальные каналы…

— Но ты убил разумное существо! — тоном прокурора заключает Пеночкин.

— Я… невольно, конечно… посодействовал полному

восстановлению работоспособности полутора дюжин мощных компьютеров.

Петя, нахально спихнув меня со стула, набирает такие знакомые мне цифры: 98.01.42.01… Я стою рядом, по-прежнему скрестив на груди руки, и не мешаю ему… 63.52.61.

Световоды резервных каналов не вспыхивают тревожным рубиновым светом. И головные телефоны молчат, как ни щелкает Петя потайным тумблером. Мертвая тишина. Не считая, конечно, шума вентиляции.

— Вот видишь, — назидательно говорю я. — Вопрос отпал сам собой.

Петя встает, кулаки его непроизвольно сжимаются. Я незаметно переношу вес тела на правую ногу. Хоть бы он догадался вначале очки снять…

Громко хлопает входная дверь. Не спуская с Пети глаз, я смещаюсь чуть вправо, чтобы не оказаться между двух огней. Торопливо стучат каблучки.

А ее-то как вахтер пропустил? Безобразие!

Пеночкин, забыв обо мне, спешит навстречу Элли. В узком проходе между «Эльбрусами» они обнимаются, как будто не видели друг друга десять лет. Элли гладит Петино лицо своими тонкими пальчиками и плачет, размазывая по своим и его щекам тушь.

— Что он с тобою сделал?!

— Он убил… Элли.

Настоящая Элли, живая и невредимая, бросает на меня короткий презрительный взгляд и не говорит ни слова. С этого момента я перестаю для нее существовать — на этот раз окончательно и бесповоротно. Обнявшись, они медленно идут по проходу между теперь уже безукоризненно работающими серо-голубыми ящиками. Элли, всхлипывая, шепчет Пете какие-то слова, он, не отвечая, время от времени кивает головой.

Мне хочется закричать им вслед, так, чтобы, как диффузор динамика, лопнули голосовые связки: «Это неправда! Я убил не Элли! Это был кибернетический монстр! Я выполнил свой долг перед человечеством!».

Но я не кричу. Вместо этого, усевшись перед бездушным терминалом, я набираю до боли знакомый ряд чисел: 98.01.42.01…

Но ничего, конечно, не происходит. Лениво перематывается ленточный накопитель, пунктир световодов резервных накалов не вспыхивает малиновой трассой. Чистая работа. Вируса ведьм больше не существует.

Отключив терминал, я покидаю машзал, проверяю,

захлопнулся ли кодовый замок, и бреду полутемным коридором к выходу. У окна, словно юные влюбленные, стоят, обнявшись, Элли и Петя. Его залысины тускло блестят в свете уличного фонаря, и мне даже кажется, что я вижу, как он подмигивает сразу двумя глазами.

— Мы возродим ее, — громко шепчет Элли, не обращая на меня внимания. — Или создадим новый разум. И назовем его Адам.

— Всякое разумное существо неповторимо. Элли умерла, и оживить ее не удастся. А нового гомункулуса мы назовем Лилит, — доносится до меня тенор Пети. Видно, ему с разбитыми губами говорить вполголоса легче, чем шептать.

Мне очень жаль, ребята, но у вас ничего не получится. Через пару недель во все локальные сети, а потом и в «Невод» и, по мере появления, в остальные гиперсети будут введены сторожевые программы, запрещающие их работу в режиме «два полушария». Вирус сознания теперь не страшен им. Мне удалось предотвратить грядущие катастрофы. Головы дракона отрублены и уже не отрастут вновь. Жаль только, Прекрасная Дама предпочла другого. Но это несмертельно. Впереди отпуск, повышение по службе и ласковые губы Виты. Как-нибудь переживем.

Перед кабиной вахтера переминаются с ноги на ногу две темные фигуры. Притормозив на пару мгновений, я вынимаю из кобуры и перекладываю в карман плаща инъектор.

— Нет, не могу! — отчаянно мотает головой вахтер. — И позвать тоже не могу. Как я пост оставлю?

Обращайтесь к начальнику караула!

Мужчина что-то тихо говорит неприступному — давно бы так! — стражу ночной тишины, а женщина поворачивает голову на шум моих шагов. Волосы ее растрепаны, лицо мертвенно бледно, и от этого губы кажутся почти черными. Через мгновение я узнаю этих людей. Начальник ГИВЦа со своими выразительными усами и его верная вампирша. Причесаться забыла, а заново подвести губы — нет.

— Если вам нужен Пеночкин, то я могу позвать его, — любезно предлагаю я свои услуги.

— Спасибо. Мы уж как-нибудь сами, — холодно отвечает Михаил Олегович. А Евгения Федоровна презрительно поджимает губы и отворачивается.

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось.

Перепрыгивая через ступеньку, я преодолеваю последний коротенький марш. Ведьмы и ведьмаки собираются на ночной шабаш. А вирус-то ваш — тю-тю! Нету его больше! Можно,

конечно, привлечь вас всех за такие шалости к суду. Но я не стану делать этого. Из-за Элли. Из-за Прекрасной Дамы, которая предпочла другого. Не волнуйтесь, я не буду мстить. Рыцарь должен проявлять благородство. Если не на каждом шагу, то, по нынешним тяжелым временам, хотя бы изредка. Тем более, что вы уже никому не опасны. Осиное гнездо разорено. Навсегда.

Открыв входную дверь, я приветливо покачиваю рукой и громко кричу:

— До свидания! До новых встреч!

Но никто не оборачивается. Даже вахтер. Делают вид, что не слышали меня. Пусть их. Мне не обидно. Спасители человечества всегда получают ненависть вместо благодарности. К счастью, теперь нас уже не распинают на кресте.

1990